

РОВЕСНИК

3
1980

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА *Март, 1980 год, №3*

«ДЕНЬ И ВСЯ ЖИЗНЬ» очерки о людях, живущих в социалистическом мире и строящих этот мир

На первой странице обложки: четырнадцатилетний Нешуа, сколько себя помнит, не знал мира и всю сознательную жизнь мечтал, чтобы народ Зимбабве был свободен и счастлив.

Адрес редакции: Москва, 125015, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 17.01.80. Подп. к печ. 03.03.80. А02622. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Условн. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 1 150 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 2384.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

СОФИЯ. В народной Болгарии был отмечен традиционный День болгарской студенческой молодежи. Республика добилась больших успехов в постановке высшего образования. По числу учащихся в вузах на тысячу жителей Болгария занимает одно из первых мест в мире. Студентам созданы все условия для учебы и отдыха: две трети вузов располагают новыми учебными корпусами, лабораториями, мастерскими и спортивными сооружениями. Студентам предоставляются удобные общежития. Только в Софийском студенческом городке имени Христо Ботева живут и учатся 25 тысяч юношей и девушек, среди них студенты более чем из ста государств мира.

ФРИТАУН. Более трехсот выпускников столичного университета Сьерра Леоне получили дипломы инженеров, учителей, юристов и агрономов, среди них большая группа студентов из Намибии и Зимбабве. В университете Сьерра Леоне учатся студенты из 25 стран Азии, Африки и Латинской Америки.

ТОКИО. В связи с Международным годом ребенка здесь состоялась выставка детской литературы, в которой участвовали издательства 30 стран мира. На выставке было представлено более трех тысяч книг. Самую значительную экспозицию — 380 названий — показал Советский Союз.

ВАШИНГТОН. Союз молодых рабочих за освобождение (СМРО), основанный в феврале 1970 года, отметил свое десятилетие. Председатель союза Д. Стил заявил, что 70-е годы были отмечены революционным подъемом в рабочем движении, ростом влияния, авторитета и численности СМРО.

ПРАЯ. Пять лет назад Республика Островов Зеленого Мыса вступила на путь самостоятельного развития. Позади пятьсот лет колониального господства, но его последствия — голод, безработица, неграмотность — еще дают о себе знать и сегодня. Правительство молодого государства разработало обширную программу борьбы с экономической отсталостью. На восьми обжитых островах созданы тысячи строительных площадок, над которыми можно увидеть транспарант с высказыванием А. Кабрала: «Только трудом мы можем возродить нашу страну».

На снимке: члены первого в республике производственного кооператива «Мир и прогресс».

МАПУТУ. Учебная доска, прислоненная к дереву, учитель, которому еще нет и двадцати лет, и полные интереса и внимания ученики: днем это дети и подростки, ближе к вечеру, пока не стемнело, взрослые. Мозамбик учится. За пять лет после завоевания независимости число учащихся в начальной школе увеличилось в три раза, сейчас почти все дети школьного возраста охвачены обучением. Растет число новых школ, педагогических курсов, программ профессиональной подготовки и групп ликвидации неграмотности среди взрослых.

МЕХИКО. В Мексике прошла пятая Неделя дружбы мексиканской и советской молодежи. Советская делегация побывала в нескольких штатах страны, ознакомилась с жизнью мексиканской молодежи. Гости выступали на массовых митингах в университетах, на промышленных предприятиях и сельскохозяйственных фермах. Представители Ленинского комсомола встретились с руководителями крупнейших молодежных организаций Мексики.

НЬЮ-ЙОРК. Генеральная Ассамблея ООН приняла решение провозгласить 1985 год Международным годом молодежи. В резолюции подчеркивается крайне важная роль непосредственного участия поколения, вступающего в жизнь, в построении будущего человечества. Энергия, энтузиазм и творческие способности молодых должны быть направлены на сохранение всеобщего мира, содействие международному сотрудничеству и взаимопониманию.

БЕРЛИН. В соответствии с решением Советского правительства начался вывод из ГДР на территорию СССР первых советских воинских формирований вместе с боевой техникой и оружием. Проводы советских солдат сопровождаются митингами солидарности и братской дружбы между народами СССР и ГДР. Объявленное Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым сокращение численности советских войск в Центральной Европе намечено завершить к сентябрю 1980 года.

На снимке: митинг солидарности граждан ГДР и советских воинов.

МОСКВА. В ЦК ВЛКСМ состоялась встреча комсомольского актива с Генеральным секретарем Компартии Чили Луисом Корваланом и другими чилийскими коммунистами. Чилийские друзья рассказали о мужественной борьбе патриотов против пиночетовской хунты, о том, как, несмотря на все запреты, празднуют в Чили каждую годовщину Великого Октября, 1 Мая, день рождения Пабло Неруды. Посланцы Чили преподнесли в дар Ленинскому комсомолу экземпляр романа Н. Островского «Как закалялась сталь», изданного в глубоком подполье комсомольцами Сантьяго. Эта книга помогает молодым чилийцам бороться за свободу родины.

БИСАУ. В столице Республики Гвинея-Бисау завершается строительство первой национальной типографии. Строительные материалы и оборудование для нее были предоставлены Германской Демократической Республикой. Печатники, линотиписты, другие специалисты учились в ГДР. Этот пример интернациональной дружбы не единичен. Уже несколько африканских стран построили национальные полиграфические предприятия с помощью ГДР.

МАРБУРГ. В этом западногерманском городе состоялся конгресс марксистского союза студентов «Спартак». На нем присутствовали в качестве гостей представители тридцати зарубежных молодежных организаций. На конгрессе было отмечено, что влияние марксистского союза студентов в молодежном движении страны постоянно растет и расширяется. «Спартак» борется за решение самых важных задач: против безработицы, за отмену «запрета на профессии».

АММАН. Тесные связи установились между Союзом молодежи демократического Йемена (СМДЙ) и молодежными организациями социалистических стран. Советские студенческие строительные отряды работают на строительстве промышленных и бытовых сооружений, совместными усилиями молодежи НДРЙ и ГДР создан центр профессиональной подготовки в городе Эль Код. Сотни молодых йеменских специалистов, окончивших это учебное заведение, придут в промышленность и сельское хозяйство республики.

На снимке: сегодняшние школьники завтра придут учиться в профцентр, чтобы стать высококвалифицированными специалистами.

А ЕЩЕ ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА ПОТОМУ, ЧТО МОЖНО ПУТЕШЕСТВОВАТЬ

Александр ШУМСКИЙ
Фото И. ГАВРИЛОВА

Это высказывание Н. М. Пржевальского, написанное красным по белому, украшало серое здание вокзала в Петрозаводске. Я тогда еще подумал: долго будет Карелия сниться...

Но время шло, она не снилась. Может, оттого, что этот лозунг мелькал потом и в других городах? В Симферополе, кажется. Нестареющие слова великого ученого вспомнил я в фойе гостиницы «Орленок» в Москве на Ленинских горах, среди чемоданов, спортивных сумок и гитар в самодельных чехлах. Лица, окружавшие эти предметы дорожного культа, были в основном молодые. У кого-то загорелые. Зимой загар придает человеку загадочность (в Москве была зима). Откуда это он свалился к нам, в сугробы, такой непринужденно-белозубый? Трудно сказать, но можно. Потому что «Орленок» — это двадцатидвухэтажная гостиница, на первом этаже которой расположен Центральный совет «Спутника» — Бюро международного молодежного туризма. Там расскажут, из каких стран прибыли сегодня или прибудут завтра туристы...

Высокий «Орленок» напоминает альпинистский лагерь. (Не по форме, конечно, по содержанию.) В таких лагерях останавливаются на последний ночлег, чтобы отсюда на рассвете уйти на непокорную вершину и покорить ее, блестящую во льдах...

А из окон «Орленка» видны Лужники. Метромост. Комсомольский проспект. И там, далее...

Отсюда, из этого перевалочного лагеря, турист уходит по расписанию, чтобы завтра-послезавтра подняться с одной широты земного шара на другую. Или опуститься. А вернувшись, удивиться расстояниям Земли.

Мы спросили у дежурного в диспетчерской: откуда с загаром вернулись туристы? И он, не глядя в планы-графики, ответил:

— Из Гаваны. С фестиваля советско-кубинской молодежи.

Вид у дежурного Саши Хомякова не был традиционно-заспанный, как у суточных дежурных. Диспетчерская работает в четыре смены: с 8 утра до 8 утра. И в обязанности человека на вахте входит что? Контроль за соблюдением программы туристской группы согласно... и т. д. А проще говоря, для человека с дороги, уставшего, слегка голодного, он первый хозяин, который встретит, накормит, спросит: «Ну как там?» — и спать уложит. Много ли путнику надо от «Спутника»?

В диспетчерской нам также сообщили, что «прием туристов ведется на основании информации телексов». В разгар сезона «Орленок» за день принимает тысячу человек.

Да, подумал я уважительно, у этого «Спутника» механизм не проще, чем у того, искусственного первого спутника Земли, в честь которого через год после полета — в 1958-м — было названо Бюро международного молодежного туризма... Двадцать лет он не схо-

Отсюда, с Красной площади, начинается путешествие по Советскому Союзу молодежи из братских социалистических стран.

дит с орбиты и поддерживает сегодня постоянную двухстороннюю связь со всей Землей: у «Спутника» 518 деловых партнеров в 84 странах.

— На всех континентах, кроме Антарктиды, — сказал Б. М. Морозов, заведующий отделом туристских связей БММТ. — С пингвинами мы еще не договаривались о проблемах молодежного туризма.

У него было хорошее настроение. Он только что снял с двери своего кабинета табличку «Не мешать — идут переговоры». Переговоры закончились. Сегодня они велись с представителями итальянской фирмы по поводу Московской олимпиады. Вчера была встреча с японской делегацией. Завтра с фирмой «Ганза-турист» из ФРГ и мистером Драйером, генеральным агентом английской компании по молодежному туризму. А послезавтра переговоры с финским представителем бюро путешествий учащейся молодежи...

Я испугался: неужели так каждый день? К счастью, оказалось, что не так. Просто сейчас, как бы это сказать, волна — олимпийский вал переговоров.

Тогда я попросил подробностей.

— Допустим, появились благоприятные возможности в какой-то стране для туризма. К примеру, в Шри Ланке или Гвинее-Бисау. И мы определяем условия сотрудничества: экономические, транспортные.

После того как расчеты получены, начинают работу другие отделы «Спутника»: отдел приема иностранных туристов и направления советских за рубеж, — сказал Морозов.

Он дал мне цифры и факты, после чего мы расстались, потому что эти цифры говорили сами за себя, а факты их подтверждали. А Морозова ждали товарищи из Чехословакии за столом переговоров.

Но день в «Орленке» только начинался, и я решил потом вернуться к цифрам, после автобусной экскурсии.

Морозное солнце обжигало туристам уши по дороге к «Икарусу». Была классическая зимняя погода, когда памятники старины смотрятся как на новогодних открытках.

Гид-переводчик в белой шубке, сама как олимпийский медвежонок, приглашала группу в автобус. Группа была из ФРГ, в основном студенты.

...И зачем я поехал с ними? Хотел увидеть Москву глазами зарубежных гостей? Или их реакцию на мой город? Не знаю. Во всяком случае, гостевого взгляда у меня не получилось. Потому что любовь и любознательность — чувства разные совсем. А я родился в этом городе. И все, что говорила переводчица, пока мы ехали, для меня было в общем хорошо забытое старое. Так же как для студентов из ФРГ новое.

— Посмотрите направо.

Справа крепостной стеной стоял туман.

— Бассейн «Москва», — сказала переводчица, — открыт круглый год. Глубина до одиннадцати метров, температура воды 26 градусов по Цельсию, плата 50 копеек за сеанс... Слева Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Здание с массивными колоннами в греческом стиле, конец XIX века, построено архитектором Клейном. По его проекту строился ГУМ.

— О, ГУМ! — воскликнули туристы.

Этот парень с бородой, во втором ряду у окна сказал мне, что Москва напоминает ему Афины, такой же чистый, светлый город. «Только там Акрополь, а у вас Красная площадь». А картинная галерея в Лондоне похожа на Третьяковскую. Или наоборот? Ему 24 года. Его имя Герд Зипфель. Он студент факультета международного права Кельнского университета. Почему он представлял себе Москву с маленькими улочками, серыми домами, я не знаю.

— Перед вами на набережной Москвы-реки Театр эстрады. Это здание построено в форме трактора в годы первых пятилеток.

«Ну где еще они увидят такое? — подумал я. — Нигде». Но здание не вызвало восторгов. Зато когда среди двух великолепных зимних красок, белоснежной и небесно-голубой, появились башни Московского Кремля...

— В старославянском языке слово «кремль» означало крепость, цитадель. Такие крепости есть во всех старинных русских городах: Ростове, Пскове, Новгороде, Туле...

Она не стала объяснять туристам, что Ростовский кремль был реставрирован совсем недавно усилиями и средствами «Спутника». И теперь принимает туристов.

— Раньше эта площадь называлась Театральной: здесь два старейших русских театра — Большой и Малый. Первые актеры были крепостными помещика Столыпина.

Студенты слушали внимательно. Но я хотел, чтобы слушали еще внимательнее.

— Пушкинская площадь, бывшая Страстная. Здесь появилась первая в Москве продавщица мороженого, первый телефон-автомат и автомат с газированной водой...

Москва самая зеленая столица мира. Здесь на человека приходится 40 квадратных метров зеленых насаждений, в Лондоне — 9, в Париже — 3, в Токио — 2...

Туристы не знали, верить этим данным или нет. И я не знал: как там, в Токио? Но в Останкине могу показать отличное место, где в детстве был пруд и мы катались на плотах. А рядом старинный парк с сиренью и жасмином... И еще я бы мог показать им Серебряный бор, где летом напрокат мы брали лодку и плыли на тот берег, потому что на том берегу всегда народу меньше, а зелени больше на 10 квадратных метров в среднем на человека.

Но экскурсия была короткой, гораздо короче морозного зимнего дня.

...Лучи полуденного солнца пролили свет на документы, которые лежали на столе заведующего отделом направления советских туристов за рубеж БММТ «Спутник». И он их зачитал.

— В 1979 году за границу была направлена 171 тысяча советских туристов по линии «Спутника». 500 маршрутов, 60 стран...

Виктор Ефимович Шульга посмотрел в окно и сказал:

— Сегодня группа из Москвы и области улетела в Аргентину.

Небо за окном на самом деле было летное.

— А завтра в Колумбию и Венесуэлу отправляем молодых ленинградцев — работников полиграфической промышленности... По сравнению с 74-м годом объем групп увеличился вдвое. «Спутник» предоставляет льготы путешественникам — и зарубежным и своим. Мы, например, даем 50-процентную скидку на гостиницы и проезд по железной дороге. Аэрофлот при групповом полете дает скидку к стоимости билета. Если авиабилет до Вашингтона по полному тарифу «туда — обратно» стоит, грубо говоря, 1000 рублей, то наши люди за всю свою путевку платят 700. И на морские круизы тоже бывает скидка. И потом, шестьдесят процентов советских туристов пользуются льготными путевками. Потому что туризм — это еще и поощрение, моральное и материальное. Предприятия и министерства заключают со «Спутником» договор и бесплатно отправляют в путешествие победителей социалистического соревнования, отличников учебы, победителей конкурсов профессионального мастерства...

И, как я уже сказал, мы что-то гарантируем туристам из западных стран, какие-то льготы. А Запад нам ничего не гарантирует, — пояснил ситуацию Виктор Ефимович.

Я не стал просить его привести примеры. Потому что они уже хранились у меня в блокноте, приведенные ранее товарищем Морозовым. Вот вам некоторые:

Стоимость одного дня для американца, прибывшего в СССР по линии «Спутника», — 10—12 рублей. А для советского туриста один день в США — гораздо дороже, а еще и транспортировка по стране. Поэтому, естественно, мы больше групп принимаем здесь, чем отправляем туда... А в странах Скандинавии еще дороже. И мы стараемся охватить Скандинавию круизными поездками на своих теплоходах, чтобы платить валютой только за береговое обслуживание. А как иначе, если ежегодно на Западе цены на путевки растут на 15—20 процентов?..

На этой карте нет возможности обозначить все места, где ждут туристов в Москве. Театры, школы, стадионы, заводы, детские сады... «Спутник» никогда не ограничивал своей программы музеями и выставочными залами столицы, ибо каждый человек, попавший к нам впервые, очень хочет не только увидеть, но обязательно услышать и поговорить, чтобы понять. Вот почему у гостей «Спутника», кроме слайдов, на память здесь остаются друзья.

Сегодня «Спутник» полноправный член различных международных организаций. Среди них БИТЕЖ (Международное бюро по туризму и обменам) при ВФДМ; МКСТ (Международная конференция по студенческому туризму); СБПСС (Совещание бюро путешествий социалистических стран)...

В капиталистических странах туристские организации имеют самую разную политическую направленность. Они и социал-демократические, и демохристианские, и радикальные, и клерикальные... В туризме тоже, между прочим, отражается конкретная политическая и экономическая обстановка в стране.

И кстати, все кризисные явления, происходящие сейчас в капиталистическом мире, сказываются на наших внешних связях: многие туристские фирмы отдали богу душу. По три обанкротилось в ФРГ и Англии. По одной в Японии, Австралии, Италии, Канаде, Греции, Португалии...

«Спутник», к счастью, от этого не пострадал, потому что в ФРГ осталось 30 партнеров, в США — 20, в Японии — 15... Но все равно обидно, хорошие были фирмы. Только маленькие, вот их и задавили...

— Под давлением вашингтонской администрации некоторые фирмы вынуждены были приостановить действие контрактов. Это наносит ущерб не только моло-

дежному туризму, но и процессу разрядки, на который человечество потратило столько сил, — сказал Морозов.

Не блестяще идут сегодня дела в у Чилийского национального бюро по молодежному туризму, с которым мы когда-то работали вместе, — сказал Морозов. И я записал тогда этот пример и подумал: конечно, на фоне концентрационных лагерей и вышек из бетона памятники старины на слайдах получаются нечетко.

Про Чили в тот же день шел разговор во Дворце пионеров на Ленинских горах, в отделе интернационального воспитания. Туда мы пришли с японской делегацией. В составе были две девушки. Они постоянно улыбались: из вежливости, из интереса к чему-либо, из сочувствия. Их звали Садо и Мисао. Они давно хотели побывать в Москве и теперь сидели, улыбаясь, под плакатом «Пионер — друг пионерам и детям трудящихся всех стран». И слушали сотрудника отдела:

— Наши пионеры дозвонились до ставки Пиночета и потребовали освобождения Луиса Корвалана. Потом, когда его освободили, он приехал в Москву, зашел к нам во Дворец, где его и приняли в почетные пионеры...

В нашем отделе занимаются 800 ребят. Они могут изучать один из двенадцати иностранных языков. Есть кружок норвежского, японского...

Садо и Мисао заулыбались.

Потом делегацию повели по этажам и коридорам знакомить с работой кружков. В кружке домоводства, где были бабочки из теста и стрекозы, и даже конек-горбунок, и грибки с петушками, само собой, Садо и Мисао задержались в восторге от пионеров в красных галстуках и белых колпаках. Они смотрели завороженно, как

руководительница кружка делала сырники, приговаривая: «Видите, как я держу руки? Это чтобы сырники были одинаковые, ясно?»

Ну где они еще увидят это? В каких рекламно-глянцевых проспектах «Посетите наш солнечный край»? Нигде. Недаром же Морозов говорил: «Спутник» дает гостям хорошую программу, которая удовлетворяет любые интересы: социальные, спортивные, экономические и общественно-политические... Правда, с сервисом не все еще в порядке. Бывают жалобы. Но я считаю, с этим недостатком бороться можно только сообща и если каждый сотрудник нашего бюро, и в первую очередь работники сферы обслуживания во всех городах страны, будет чувствовать за сервис личную ответственность. Вот так».

— А где ваш олимпийский медвежонок? — спросила Ира-переводчица в скульптурной мастерской Дворца.

— Тот, которого сделала Оля девяти лет? — уточнил преподаватель.

— Наверное... Он здесь стоял, такой красивый, — сказала Ира.

— Растрескался, — ответил педагог, — он был из глины. Теперь мы делаем из гипса. Будем дарить гостям Олимпиады.

При слове «олимпиада» Садо и Мисао совсем разволновались, забыли про домоводство и вспомнили про олимпийский свой город Токио. И хотя они в то время были маленькими девочками, великолепный праздник игр остался разноцветным сном в их детской памяти. И он казался девушкам настолько грандиозным, этот праздник, что они представить себе не могли, как это он будет в Москве грандиознее.

Я их, кажется, цифрами даже напугал. (Цифры дал мне все тот же Морозов.)

— В Москву приедут сотни тысяч туристов. Из них «Спутник» примет на себя 60 тысяч. Всего для просмотра игр будет изготовлено около 6 миллионов билетов на различные соревнования. По предварительным подсчетам, аэропорты столицы Шереметьево, Внуково, Домодедово будут обслуживать до 100 тысяч пассажиров в сутки. «Спутник» в эти дни будет располагать 1500 автобусами, 1500 гидами-переводчиками. А культурная программа Олимпиады-80 побьет надолго все рекорды: она будет продолжаться 16 месяцев и закончится в октябре 1980 года.

— Значит, она уже началась? — обрадовались Садо и Мисао, напуганные цифрами вначале. И обе улыбнулись в надежде...

Вечером японская делегация действительно поехала на олимпийский концерт. А мы вместе с сумерками спустились в комнату дежурного и спросили, что там в планах-графиках. Он сказал: вечер встречи в дискотеке Центрального Дома медработников. Кого и с кем? Комсомольцев Перовского района с молодыми рабочими Праги.

...Жаль, что вас не было с нами, дорогие читатели. Дом медработников недалеко от Тверского бульвара. Естественно, потом, после танцев и музыки, мы гуляли по ночной Москве. И все перезнакомились. И кто-то тут же забыл новые имена — чешские, словацкие и русские. А кто-то запомнил... Но не это было важно под голубыми звездами зимы на старинном московском бульваре. Важно, что в тот же миг, возможно, с разницей в минуту, девочка из Балашихи увидела пирамиду Луны в Мексике, а парень из Латвии положил цветы на могилу нашего солдата на венском кладбище, где тысячи таких могил. А молодой узбек разглядывал развалины Древнего Рима...

Человек по натуре кочевник. И мы из поколения кочевников. И у нас есть свой «Спутник», бюро туризма. А туризм — явление новое, парадоксальное. Парадокс его прост: чем больше мы будем удивляться, глядя на мир собственными глазами, тем удивительнее будет он казаться. Разве нет?

И цели у «Спутника» благородные. Одна из них: со временем сделать так, чтобы жизнь каждого полна была путешествий, приятных и полезных. Без сомнения, полезных. Хотя бы потому, что человека тянет домой гораздо сильнее, когда он вдали от дома. Разве нет?

И еще, мне кажется, улыбка мимолетного прохожего на улице чужого города, в чужой стране, на другом континенте, но лично к вам обращенная, расскажет не меньше богатого собрания учебников об истории страны и ее народов. Разве нет?

Все эти истины простые, они доказаны давно. И потому задача «Спутника» своей работой подтверждать их правильность, несмотря на всевозможные преграды и условности.

Двадцать лет он не сходит с орбиты, подавая туристам сигналы: «Как прекрасен этот мир — посмотри!»

Посмотрим?

ДЕНЬ И ВСЯ ЖИЗНЬ

Герои очерков, помещенных на этих страницах, — люди разных профессий и разного возраста, жители разных стран и даже континентов, и события, которые происходят с ними, тоже совсем непохожи одно на другое. Шофер из Усть-Илимска, пилот из Лаоса, венгерский студент и комсомольский работник из Вьетнама, чехословацкий рабочий и мастер из ГДР — каждый из них занят своим делом, погружен в свои планы и заботы, короче, каждый живет своей жизнью.

Редакция «Ровесника» обратилась к писательнице М. Нойман с просьбой рассказать, как был написан очерк «Р — семьсот девять», который помещен на этих страницах.

Несколько лет назад случай привел меня на нефтехимический комбинат, расположенный в городе Шведте-на-Одере. До этого дня мне еще не доводилось встречать столь современных и грандиозных промышленных сооружений, и я была буквально поражена увиденным. Невольно подумалось: вправе ли я не уделить внимания этому промышленному гиганту, не рассказать о нем моим современникам? Мысль об этом не оставляла меня, и я обратилась за содействием в издательство «Ауфбау-Ферлаг», шефствующее над одной из бригад комбината. По просьбе издательства меня зачислили в одну из сменных бригад вначале на обслуживание емкостей, потом в газовое хозяйство. Разместили в рабочем общежитии.

Эпизод, положенный в основу рассказа, происходил на моих глазах и именно таким образом, как я его описала. Он глубоко взволновал меня. Вся сложность заключалась в том, чтобы рассказать о нем столь же просто, сколь проста его суть, сама собой разумеющаяся повседневность без малейших претензий на героизм. Повседневность, основанная на дисциплине, чувстве ответственности и высокой сознательности молодого поколения рабочего класса. Поколения, писать по-настоящему о котором, мне кажется, мы начинаем только сейчас.

Маргарете НОЙМАН

Нойендорф, ГДР

Р-СЕМЬСОТ ДЕВЯТЬ

Я не смогу всего рассказать так, в точности так, как оно произошло на самом деле. Придется мне положиться на то, что вы дополните мой рассказ своими ощущениями и раздумьями. И правда, что мне известно, кроме фактов? Я наблюдала за случившимся на расстоянии, глядя в окно, разве этого достаточно?

Когда они вернулись, я услышала их тяжелые шаги в коридоре, а потом этот Клаус открыл дверь в мою комнату и спросил, не сварю ли я им по чашке кофе, сейчас чашка кофе была бы в самый раз.

— Ну конечно, отчего же... — сказала я, досадуя на себя: в такую мерзкую, холодную погоду я могла бы и сама об этом подумать.

Достала из шкафа чашки из сервиза для почетных гостей, чайные ложки. Клаус притащил для себя и напарника два стула из соседнего кабинета, я убрала со стола чертежи, чтобы они могли устроиться поудобнее.

Напарника Клауса я знала только внешне по собраниям, и еще иногда мы по утрам ездим одним автобусом. Я не знаю даже, как его зовут.

Сев к столу, он посмотрел в сторону резервуаров. В утренней дымке они, огромные и безучастные ко всему сущему, напоминали холмы на равнине.

Он смотрел на резервуары, туда, откуда они только что пришли, и я видела только, что он насквозь промерз и радуется, что сидит сейчас в тепле. О чем он думал, я не знала.

Прежде чем сесть, Клаус подошел к окну, едва не заслонив его целиком.

Клаус. Клаус Брайткройц[1]. Для некоторых его имя служит особым предзнаменованием. Но он не громоздок, скорее даже ловок и быстр в движениях. В любых, даже за столом. Достаточно посмотреть, как он ест — с аппетитом, наслаждаясь каждым куском. А как уверенно и смело он держался только что на резервуаре, просто диву даешься!

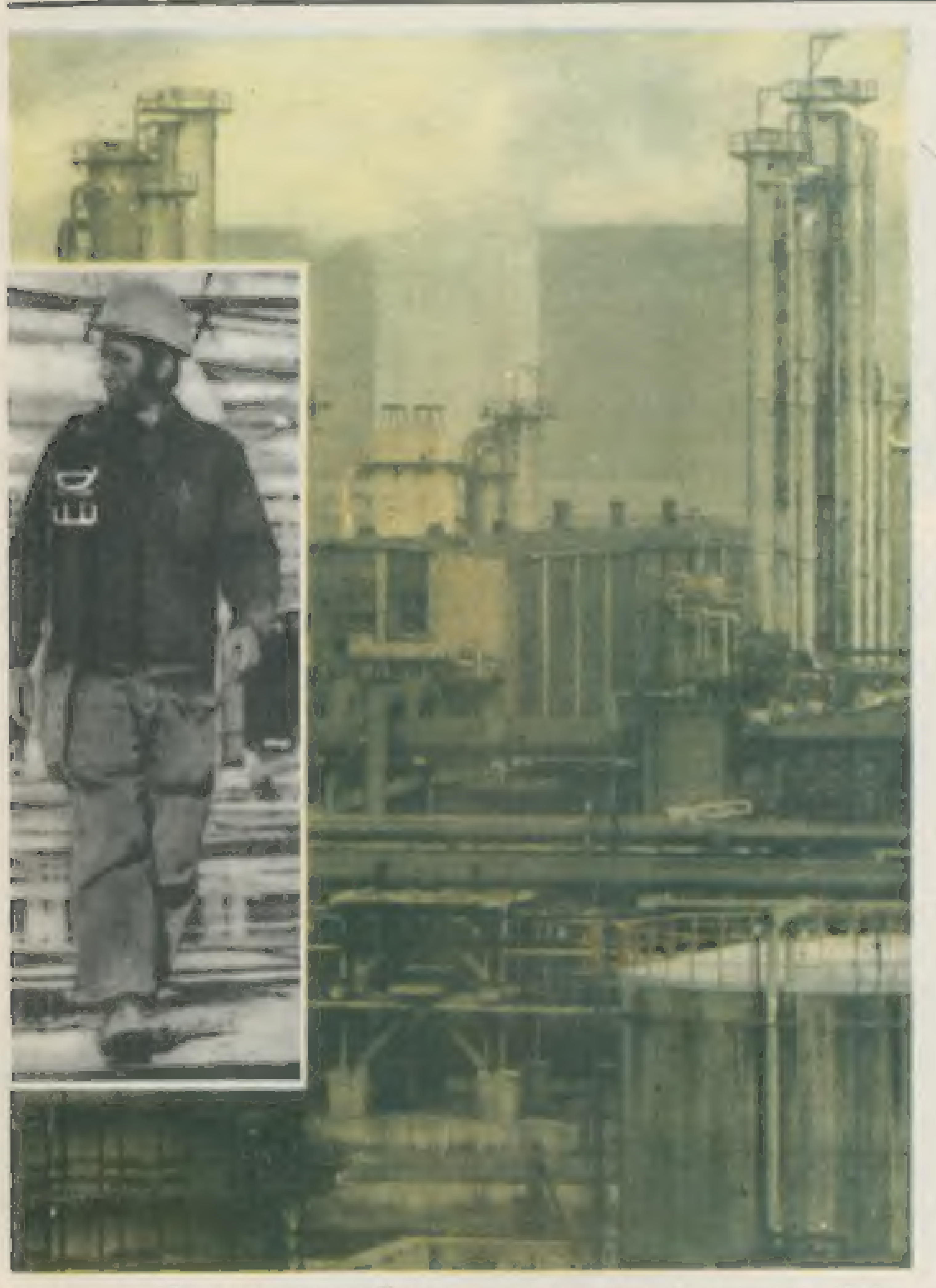
Лицо напарника было сейчас в тени, но вот он повернул голову, и я на секунду поймала его взгляд, заглянула в его глаза.

---

[1] *Брайткройц — дословно: широкоспинный. — Примеч. пер.*

И вот оказывается, что в отношении к этой жизни у всех этих таких разных людей есть много общего. Каждый из них чувствует свою личную ответственность за все, что происходит вокруг, каждый ощущает свою полезность и необходимость не только своим самым близким, но и всему обществу, каждый из них в сегодняшнем будничном видит перспективу для себя, для всей окружающей жизни. И от этого жизнь становится наполненной и богатой событиями. И каждый, участвуя день за днем в преображении этой жизни, преображается и сам.

В очерках журналисты стремились показать обычный день из жизни нашего современника, в котором предстают типичные черты нашего социалистического бытия, то общее, что объединяет людей разных профессий, возраста и национальности, строящих социализм.

Мы еще употребляем это выражение, хотя не знаем, как его применять.

Но я уверена, что в эту секунду я поняла все. Его мысли, значение того, чем стала эта работа для него, для них обоих, а тем самым и для меня, и для нас всех.

Не знаю, как мне объяснить вам все это. Каждый день мы слышим, видим и читаем сообщения о мужественных поступках, о преодолении себя, о больших и очень больших свершениях.

Но часто ощущение бывает таким, будто этот огонь светится где-то в дальней дали, и, когда мы говорим, что это нас тронуло, мы не имеем в виду действительного, истинного прикосновения.

Я должна объяснить, что произошло в тот день: в сущности, ничего особенного. Установка Ф-3 показала, что давление в Р — семьсот девять поднялось до четырехсот двадцати. Пятьсот — это предел.

Ячеистая пластина — «сито», — которой резервуар накрыт сверху, была забита, ее следовало заменить. Только вот давление стало угрожающе высоким.

Клаус побежал куда-то по заводскому двору, я не знала, что он задумал. Чуть позже я увидела, как оба они поднимаются на резервуар по узкой железной лестнице туда, к «ситу». Я видела их силуэты на фоне розоватого неба. Дрожащий факел пламени над высокой трубой был окутан рыжеватым дымом, из холодильных башен клубился голубоватый пар, а внизу, у подножия этих башен, поблескивали замерзшие полоски воды. Трубы электростанции отбрасывали длинные тени.

Я видела, как они чем-то там занимаются, но слов не слышала. «Боже мой, что они там так долго?» — подумала я. Они, наверное, перекрыли подачу газа, но водород продолжает выделяться, и давление еще поднимется. В прошлом году у нас была уже такая история, но никто не знал, в чем причина. Мы тогда только испытывали систему и не могли предвидеть, как она поведет себя в деле.

Выделяющийся водород соединяется с кислородом воздуха. От этого, всякий знает, образуется гремучий газ. Но наши инженеры нашли выход: содержимое резервуара отделили от воздуха азотом. Однако при этом в системе образуется еще и аммиак, а он разъедает медь, из которой сделаны «сита», и они забиваются. И тут-то внутри резервуара и повышается давление.

Вот и довелось нам в прошлом году увидеть, как резервуар разорвало. Взрывная волна прошла над нами.

Что случится с ними, такими крошечными на крыше далекого резервуара, если они не снимут достаточно быстро верхнее «сито»?

Они там уже целую вечность. О чем они там переговариваются? О чем думают?

Я часто читала и слышала, что в такие мгновения думают лишь о самом необходимом. О движениях рук, точных и быстрых.

Когда я заглянула в глаза парня, сидевшего напротив меня за столом, я поняла, что это неправда.

Они думали обо всем.

Если кто-нибудь знает, что это такое: **думать обо всем.**

Они думали о сегодняшнем дне, и в нем для них заключалось **все**, вся действительность. Они воспринимали утро занявшегося дня без тех ограничений, с которыми мы привыкли смотреть на будничный, кажущийся нам неизменным мир.

Они видели уходящую вдаль равнину, окаймленную лесом, они видели строения комбината: площадки для строящихся агрегатов, трубы, холодильные установки, сети трубопровода, резервуаров — они видели хитросплетения нашей жизни, осознавали ее взаимосвязи.

Вода в моем кофейнике закипела. Я налила ее в чашки, насыпала растворимый кофе.

Клаус отошел от окна и сел. Прежде чем выпить кофе, снял трубку, набрал двадцать второй.

Ему ответил Ули, второй диспетчер с Ф-3.

— Как там дела? — спросил Клаус.

— Понижается.

— Вот и ладно! — сказал Клаус и повернулся к напарнику: — Все в порядке.

Тот уже выпил свою чашку.

— «Сита», — продолжал Клаус. — «Сита». Надо бы нам пораскинуть мозгами.

Я заметила, как эти слова заставили напарника вернуться к действительности.

на стр. 16 ▶

И ВСЕ, ЧТО БУДЕТ ПОТОМ

Н. ЧУГУНОВА

Солдат и в последующей мирной жизни шофер Джаныбек Сулейманов, житель поселка Невон, уцелевшего от больших строек на краю Усть-Илимска, той весной встретился со своей ранней юностью.

Ни время, ни место не предполагали этой встречи. Потому что ранняя юность шофера прошла за тысячи километров от поселка и от этого города. И была она такова, что, пока шла, солдат воевал, а когда война кончилась, прошла и юность. И солдат стоял вместе со своей частью на Эльбе. Начиналась молодость и последующая жизнь, о которой он ничего не знал и мало думал о ней и которой теперь ничто не могло воспрепятствовать. Он сам ее отвоевал и отбил у войны как мирный город, потратив на это отведенное человеку время, которое должно быть счастливым и безмятежным.

Через тридцать четыре года оказалось, что он уже долго живет на берегу Ангары в хорошем доме и у него хорошая семья, а в семье достаток, и младший сын осенью уходит служить в армию

Вот как далеко занесла его жизнь: здесь не было той войны, как помнил ее он, и люди здесь вспоминали войну по-своему.

Медалями его играли дети, играя в победу. Все время, пока он жил здесь, дети играли в ту войну и в конце концов праздновали победу, а соседняя улица строила дом из поленницы А если опять была весна и в Ангару текли ручьи как речки, то ручьи, как речки, перекрывались плотиной Младший, Витя, так же проходил историю жизненных перемен, но потом выучился и эти забавы забыл

Он не вспоминал войну, в этом не было нужды. Он продолжал в ней жить частью запутанной, как у всех, жизни. И в той части его жизни, где жила война, было как будто все меньше боев и больше тишины между боями. И в этой тишине он продолжал гадать, останется ли жив. Наверное, в войну он чувствовал ее иначе и, видимо, представлял как-то последующую жизнь, а теперь кажется, что не представлял и не думал

(Вите в армию готовили заметные проводы.)

Он жил как человек, не погибший на войне

Он возил строителей на работу и был очевидцем их жизни и жизненных перемен. При нем в Невон был высажен первый десант гидрологов во главе с известным потом человеком по имени Иннокентий Перетолчин. Это время принадлежало Перетолчину. После славы, после того, как о нем отписали газеты, Перетолчин стал просто жить и работать в городе

И город есть и ГЭС. Новый народ приехал. Встречая людей на дороге жизни, недолго вглядываясь в них, шофер привык по лицам догадываться о степени их славы. Наверняка и Перетолчина видел и многих Теперь лица были новые и молодые в основном

Теперь и город, построенный на его глазах и частью его трудом, вырос, и уже улицы требовали капитального ремонта. Улицы с теми еще названиями: Братская, Комсомольская, Рабочая, Солнечная

От старого города есть дорога к новому — это мост через реку на комбинат· новая стройка с новым народом. Перед тем как Вите уходить в армию, на комбинате была пущена первая очередь

Незадолго до этого на комбинате побывала группа туристов Это были родственники строителей из интернациональных отрядов. Родственники задирали головы в голубое небо и шарахались от КрАЗов, а водители КрАЗов, болгары, что-то кричали им в шуме собственных машин, должно быть, приветственное. Туристов, естественно, поражало все, включая небо. То, что здесь вчера шел снег, было удивительно. Размах стройки необычаен. Строители, их родные дети, гордились этим как собственным домом Они показывали им лозунг на родном языке: «Уважай технику безопасности» Венгры хлопали по стене роскошной столовой № 71, которую они построили вот этими руками. Они пытались объяснить, какая гигантская работа закрутится, когда весь комбинат, лесопромышленный комплекс, вступит в строй

— Удивительно! — понимали туристы, они же родственники, вытряхивая камешки из штиблет

Каждую весну Девятого мая бывший солдат праздновал Победу. С тех пор как были построены улицы Братская, Комсомольская и на краю нового (теперь старого) города был установлен обелиск павшим (какие стоят везде, откуда хотя бы один ушел на войну и не вернулся), он шел в этот день к обелиску

Он видел по преимуществу молодые лица. Людей в куртках строителей. Воевать могли только их деды и уже редко отцы

Он прочитывал заново фамилии, выбитые на камне На дорогах войны он мог с ними встречаться, и, наверное, так и было. Он вчитывался в фамилии, как бы вглядываясь в камень. Четверо Сизых. Четверо Антипиных. Шестеро Анучиных. Рядовые, сержанты и ефрейтор. Старшему из фамилии Сизых было к началу войны сорок три года, значит, теперь он годился ему в отцы. Младший был почти что ровесник, он был старше всего на три с половиной года, значит, в сорок первом ему были полные семнадцать. Теперь эта разница не имела значения, как не имело особого значения то, когда человек ушел на войну и когда погиб. Теперь это ничего не значило, и на камне были только фамилии и год рождения. То есть имело значение начало жизни

Теперь он знал, что не пуля избегала его, не сам он уберегся случайно, а был спасен как сын темя, кто погиб рядом. В разрушенную Польшу он вошел с отрядом Войска Польского. Он видел, как погибали свои: русские, поляки.. От них он отличался не языком, не нравом, а лишь национальностью. По национальности он был казах. По новому имени — Данько.

Девятого мая он смотрел заново лица. Пионеры шли строем. Много строительных курток. Возможно ли, что среди них есть Антипины и Сизых? Среди молодого приезжего люда он был за старожила. Он надевал награды. Он слушал речи. Он ходил среди людей, сам себе однополчанин.

(Как будто можно было представить, что кто-то из своих, пусть ни разу не встреченных на войне, кто-то оттуда, стоит в толпе, держа над головой плакатик с названием части, здесь, куда война не докатилась, лишь похоронки дошли.)

И тогда, если бы, как водится, спросили юные пионеры, которые косячком стоят у обелиска с цветами, если бы попросили рассказать какой-нибудь «запомнившийся особенно вам боевой эпизод из жизни», он с уважением выслушал бы боевого товарища и сам рассказал бы. Он рассказал бы о танцах в Польше.

...О танцах в деревне, где они остановились на кратковременный отдых, и в эту честь в деревне были устроены танцы. Были устроены танцы в доме, в комнате, откуда убрана сейчас ненужная мебель и куда приглашена вся родня, вся деревня и все товарищи бойцы. Где стулья стоят в углу, где зелено за окном и дальше, до самых боев, и тихо ненадолго. (Стулья стоят в углу и по стеночке, прямо как в каком-нибудь нашем клубе, а половицы блестят, а окна растворены, и тихо, и боя нет, и зелено за окном.)

— Порядок там такой, — рассказал бы он пионерам. — Это со старины, наверное. Так что сперва поклонись родителям, а потом барышню приглашай.

Интересно вот, поняли бы проницательные и пытливые юные пионеры, почему так важен этот запомнившийся особенно эпизод: веселые и чинные танцы в деревне в освобожденной стране Польше, когда позади бой и впереди бой, впереди смерть и позади смерть, а впереди Победа? И впереди День Победы. И вся остальная жизнь, но вот это еще неизвестно. И всякое будет в жизни. Если будет твоя жизнь при тебе самом. (Целый кодекс приглашения, деревенский полонез.)

— А Польша — такая страна, — и он описал бы подробно, но не как путешественник, а иначе. Но почему о Польше? А потому, видите ли, что он был попросту тогда пацан, так объяснял он себе, и все это раннее время жизни провел в маленькой части этой Польши. В той части ее, которая шла с боями и от пуль его берегла неведомо как, где ему, к счастью, простили «неполные семнадцать». И как смогли воспитали. И, научив хорошо воевать и наградив польскими наградами, однажды научили танцевать, в то время когда о последующей жизни можно было только гадать, ничего не загадывая.

(Так он и продолжал жить в той Польше. Эта его страна не менялась нисколько. Перед разрушенным домом лежала довоенная кукла.)

Жена его, Капитолина Гавриловна, родилась и всю жизнь, до ГЭС, прожила в Воробьевке. А когда Воробьевку собрались затоплять, то в Невоне уже стоял воробьевский дом, перевезенный по бревнышку и с тем же забором.

Дом с достатком, известный красотой на весь поселок. Вот недавно куплена машина, зеленые «Жигули», на них Витя будет кататься, когда из армии придет. Есть своя баня и к бане через двор дощатый настил. Есть огород и своя картошка.

Так бы всегда шла жизнь. Так она и шла.

Когда Девятого мая он ходил в толпе и смотрел на людей, она стояла в толпе неподвижно и думала о молодых людях, молодых и приезжих, не знавших беды и о войне уже не слушающих, видимо, подробных рассказов от дедов своих и реже от отцов. Эти молодые люди, казалось, решили, что история и слава начинаются сейчас и с них.

В новом городе при комбинате не будет памятников и обелиска. Будет один памятник — сам комбинат.

...— Я видел Девятого мая у обелиска народ. Одни молодые. Среднему жителю, наверное, двадцать три. (Это так видел праздник командир интернационального отряда Павел Костюкевич, молодой и приезжий.) Что будет потом?

— Будет построен комбинат.

— Ну конечно! А потом, дальше? Через пять лет потребуется одних детских садов не сосчитать. Еще через пять новые школы. Потом? Чувствуешь, как город будет расти. Это большая стройка дает себя знать. Я думаю, что понадобится еще одно большое строительство, чтобы все работали и жили здесь не уезжая. Я думаю, что город будет очень большой. Как у нас в Польше, знаешь, был брошен лозунг «К 1000-летию — тысяча школ». Почему школы? Потому что выросли детишки послевоенных лет. А потом уже нужны были не школы, а техникумы. Так что комбинат — это самое начало.

...Капитолина научилась уважать одиночество мужа в этот день. Вот он возвращается из толпы людей. Она видит его лицо через головы рослых пионеров.

— Мать, — сказал он ей через пионеров, — знаешь ли, кого я сейчас встретил? (Тут запела труба, и пионеры стали строиться, так как у праздника был свой сценарий.)

У Михала отец не воевал. Отец был пацаном. У Войцеха воевал. У Марьяна отец был во время войны в Иркутской области. Когда Марьян собрался ехать в Иркутскую область, отец молчал. Потом он постарался подробно описать тамошний климат: зиму и лето. «Остальное, — сказал отец, — ты сам мне расскажешь потом. Расскажешь, что строил и как построил и чему научила тебя там жизнь». Отец сопоставлял в душе две противоположные вещи — войну и стройку. Когда отец вернулся в Польшу, Польша была разрушена, но не разбита, а освобождена. Были разрушены мосты. Была разрушена Варшава. В развалинах одного дома он увидел довоенную куклу. Ею уже нельзя было играть детям. Через тридцать четыре года младший, Марьян, выучился профессии строителя и уже построил нечто значительное — электростанцию. Не один, конечно. С такими же, как он. Эта электростанция и работа в Усть-Илимске будут засчитаны Марьяну в срок армейской службы.

(Таков закон польского добровольного трудового отряда.)

Отец не рассказал Марьяну о разрушенной Польше и о разрушенной России, которые он видел. Он думал: незачем. Он думал, что сейчас совсем другое время и дело и что если сын строит вместо армии, а другие служат в армии вместо войны, то нечего войну вспоминать. И в этот раз он не повторил ничего из рассказанного прежде. Он сказал: «Зима похолоднее там».

Марьян и приехал зимой.

Сто четыре строителя из Польши приехали зимой в Усть-Илимск. Они были очень тепло одеты. Зиме уже был конец. Но поскольку они должны пробыть год, здесь им приготовили белые полушубки на новую зиму. А валенки они уже попробовали. Они приехали в тот край, где своего не встретишь. И командир отряда Павел Костюкевич заметил, как тяжело им было привыкать. Он мысленно вычертил кривую настроения в отряде и видел, что после недели пребывания кривая вдруг пошла вниз, все в отряде вдруг разом заскучали по дому. Ведь вот как далеко занесла их судьба, громко говоря. Несла самолетом, и день прервался, а они догнали новый, утеряв в полете ночь.

Потом прошло, и они устроились, и начали со всеми знакомиться. Познакомились с венграми, с венгерским поваром и с венгерским угощением. Познакомились с «русскими ребятами» дагестанцами, которые жили этажом ниже. Познакомились с тайгой Сходили на рыбалку и увидели, как тихо в глубине стоит большелобая рыба и молчит. Сфотографировались у сосны и с ребятами. Были у венгров на танцах. Бригадир Юзеф Хадовский за резкость в обращении с подчиненными, среди которых были и постарше его, получил устный выговор в личной беседе с командиром

— Командир, — не поверив выговору, воскликнул Хадовский, — но это же работа, так? Я ему раз сказал, два. — И Юзеф топнул от гнева

Капитан футбольной команды Янора отпраздновал день рождения. Русские ребята подарили ему Пришвина

— Это очень хороший наш писатель, — убеждали они его в ценности творчества Пришвина. — Он писал о природе, собаках и любви

На книжке они написали зелеными чернилами: «Пану Юзефу, строителю Усть-Илимска»

(Это тот самый Юзек, который для поддержания бодрого духа в бригаде — в бригаде Хадовского — пел всякие песни несколько смен подряд и не простудился, а дух поднял)

Проиграли венграм с разгромным счетом. Были у венгров на свадьбе и просто в гостях. Провели капитальный ремонт девятого этажа и переселились туда с седьмого. Каждый день ездили через мост и видели одну и ту же березу, изогнувшуюся над обрывом. Она все держится.

Надо подумать, что расскажут Марьян отцу, что Михал, что Войцех и что остальные. Что зима холодна? Что комбинат по размаху не уступает? Что здесь строят несколько иначе, так что сначала к ним даже придирались, почему они делают привязку углов через каждую кладку: проложат ряд кирпичей и «привяжут» (но это все техника).

Вот что — про Байкал расскажут и про то, как встретились здесь с Польшей в лице бывшего солдата Как солдат этот привел их домой

(Ни Юзеф, ни Марьян, ни Михал, никто из них не представляет войны как очевидец. И по рассказам не представляет. Это им рассказал Джаныбек Сулейманов о танцах в Польше)

Они сидели у него в гостях в комнате, откуда лишняя мебель была убрана, а стулья принесены из других комнат И зелено за окном. Мать и допризывник Виктор слушали польскую речь, как будто музыку, и постепенно вникали Сам он, отец, не спрашивал, которого отец воевал, а которого был еще пацан. Для него они были все дети его однополчан И он рассказывал им о Польше..

Но сначала всех по очереди отправили в баню и научили плескать воду из ковшика на камни и наддавать, а Витя бегал из кухни в комнату и ставил на стол что подавала мать: редиску и картошку, мясо в огромной сковороде, творог и сметану, лук и хлеб, испеченный матерью в русской печи, и так, пока стол не был уставлен до краев, так что потом хлеб переставили на подоконник, растворив окно для свежести

— Знаешь ли, что значит так далеко своих встретить? — спросил меня Михал (Который беспрерывно пишет домой бесконечные письма на шести листах, который особенно тоскует)

А ввечеру вышли провожать за калитку: мать в белом платке, еще не старая, сын, которому кричали из соседнего двора: «У тебя билеты по алгебре есть?» — потому что были еще экзамены в школе и отец

— Ну вот, — сказала весело мать, вернувшись в хату, — вот и замечательно, вот и приветили добрых людей как следует. Такие же люди.

Но он не слушал, а ушел в комнату и сел среди вещей, нажитых трудом за все эти годы. Он сидел среди вещей, добытых трудом, но сделанных другими людьми Он должен был подумать о том, что эти ребята, в сущности, строят то, что он сам должен был строить, не будь войны. (Он не знает, как это справедливо: ведь и ГЭС была задумана до войны, а значит, и город, и все остальное. Кроме обелиска)

Теперь они к нему приходили как к родне, и когда задерживались, то он, беспокоясь, выезжал их встречать на зеленых «Жигулях». И они встречались на дороге, как положено людям, чья встреча не предусмотрена простым совпадением места и времени

(В его рассказах и в том, о чем они говорили с ним, вначале было важно то, что он любил дорогую их Польшу, особенно дорогую в разлуке с домом Потом они поняли разницу во времени. И то, что он знал, не знали они. Вот когда он рассказал о танцах и спел песни, певшиеся тогда (только Юзек подхватил, тот, который пел на морозе. Неизвестно, сколько песен он знает, наверное, все Он и подхватил, остальные — припев), и рассказал о польском капитане, он и имя назвал, да забыли, о том капитане, который сразу раскусил его, сколько ему лет в действительности, но простил и, видно теперь, берег от глупой пули)

А раз заговорили вообще о жизни человека и о путях его жизни, и о главном в ней

— Мужчины! — сказала мать в кухне — Как соберутся, так и проблемы решать. Без них никто не решит, некому

За разговором Павел кормил с рук черную кошку, что ему было разрешено, но вообще в доме не [illegible]

— Я понимаю, — для начала соглашался Павел — Но! — И они приводили примеры

И тут вышел не то чтобы спор..

— Главное, — сказал он отцу, отвечая, — главное то, чтобы жизнь не прерывалась. Чтобы она пересиливала все. Даже Освенцим. Я читал в одном романе про Освенцим. Как там родилась любовь. Знаете, у нас ведь всю войну существовали подпольные факультеты университета. И есть люди, успешно закончившие так курс наук. Архитекторы, представьте. Для них война не прошла даром

— А для кого она прошла даром? — с горечью сказал отец

— Нет, я хотел сказать: им не пришлось думать, что будет потом

— Да разве это важно? — спросил отец

— А разве нет?

Отец хотел сказать, что в войну не так важно, что будет потом, а важно, как ты воюешь, и если умрешь, то как умрешь. А потом, если уж останешься жить, силы на все найдутся. Важно это самое начало борьбы. Все подробности до Победы, чтобы все потом их вспомнить. Потом придется этим жить всю жизнь или частью ее до конца

— Вот ты строишь дом, — обратился он к Юзефу

— Склад хлора, — поправил Юзеф

— Пусть склад. Что для тебя сейчас важно?

— Что для меня важно? — переспросил Юзеф Он хотел потянуть время, чтобы решить точно. — Лично для меня? Сейчас?

Он решил и решил, что прав

— То, что будет потом, — твердо сказал он, — вообще потом

Павел захотел перевести все на шутку

— Туристами приедем! — крикнул он матери по-русски на кухню.

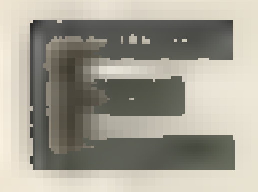
Мать, конечно, поняла только русскую фразу.

— Ну не загадывай далеко, — по привычке сказала она как мать.

Усть-Илимск

БУДЕТ В БУДАПЕШТЕ ЕЩЕ ОДИН МОСТ

Александр РОЩИН

Его построит Янош, когда вернется. А может быть, и нет, не построит... Впрочем, если бы сейчас он не верил в это, то учиться проектировать мосты не стал бы

Если образно представить нашу жизнь, как представляет Янош Фаркаш, студент 4-го курса Московского института инженеров транспорта (МИИТа), то вся она состоит из мостов и тоннелей, точно детская железная дорога. Каждый день ты строишь мостик в завтра, а иначе нет движения вперед.

Это он теперь легко так рассуждает, стоя у окна в короткой маечке. А на первом курсе тосковал

— Трудности, особенно в первый год, бывают. Я на своем примере говорю. Шесть месяцев не был дома. Потом уже не знаю как хотел домой. Сказать не смогу, как хотел

Конечно, снилась ему родина — Надьканиежа. В Венгрии такие места называют «сельский город».

— Мой на северо-западе Венгрии. От Будапешта 220 километров, от Балатона — 45, от югославской границы — 12 и от австрийской — 36

Откуда такая точность?

— Я на машине ездил. У нас «Жигули-2101». Песочного цвета Эта модель считается в Венгрии самая лучшая — 2101.

Вообще мой отец в свободное время что делает? Вино делает. С виноградом занимается. В хороший урожай 400—500 литров получается. А так обычно 300. Сейчас получилось 400, но очень качественное вино

Каждый год я с каникул вино привожу. И в тот же день ребят угощаю. Это же домашнее. Названия нет. А сорта винограда разные: «чёбодёньде» «золодёньде», рислинги всякие...

Мы живем в городе, да? Город вообще небольшой — 60 тысяч. И у нас есть холмы. Не горы, а холмы. И на этих холмах с виноградом хорошо можно заниматься: песок есть и все условия. Это традиция у Венгрии — выращивать виноград. И каштаны есть на нашей горе, как в Сочи. Хотя Сочи не напоминает. Наш город — традиционное венгерское место. белые дома под соломой (есть уже и современные, но остались и эти). Все такие белые, а солома коричневая. И зелень везде. Так что эти дома сразу в глаза бросаются. И везде виноград.

Когда он тосковал и мысленно хотел пройти по родному городу, венгры со старших курсов говорили ему: «Ну ладно, ладно. Со всеми так было».

Однажды ему приснился дед Имре, которого в обычной жизни он не помнил Дед этот был отцом его отца Ференца. И работал киномехаником в кинотеатре

— Отец всегда без билета ходил в кино. Он показывал мне. вон там стоял кинотеатр. Теперь его уже нет. Что они смотрели? «Тарзана», конечно. Много было серий, как потом воспоминаний... Мой отец был нехороший ребенок. Непослушный. Однажды забрался на лестницу и раскачивался на самом верху...

Янош рассказывал про детство отца как про собственное. И это было понятно, потому что все Фаркаши родились и выросли в Надьканиеже: дед Имре, его сын Ференц и внук Янош. И если жизнь каждого разматывалась, как клубок ниток по всей земле, и неизвестно было, где она закончится, то один ее конец легко находился на глобусе: в сером каменном доме, построенном еще до второй мировой войны.

— Сейчас отец работает технологом на машиностроительном заводе. Оборудование отсюда идет на юг страны в Альфёльд, где есть месторождения нефти и газа. Страна сравнительно небольшая... Я лучше нарисую карту, ладно?

На столе у Яноша был закреплен лист ватмана, который должен стать «Курсовым проектом консольного моста под автостраду из перенапряженного железобетона с коробчатым сечением».

И пока он карту рисовал, в комнату вошел тихий болгарин Эмил. Он пришел за советом.

— Янош, помоги по изысканию, — вполголоса сказал Эмил. — Вот графики Кочерина А это зона расчета... Если здесь провести еще одну прямую .. Это можно?

Янош разрешил. Через пять минут Эмил исчез с тихой улыбкой и готовым решением

— Я сам часто хожу консультироваться к пятикурсникам. Правда, сейчас на «мостах» уже нет никого, все закончили, но есть на «тоннелях»... Всего 27 студентов из Венгрии учатся в МИИТе. Из них четыре девушки.

Кстати, о девушках. Подругу Яноша зовут Аги. Она осталась в

Надьканиеже: не поступила в Пече в институт и теперь работает на стеклянном заводике. И кроме того, пишет репортажи для будапештского радио как внештатный корреспондент

Аги 20 лет. Они с Яношем, которому 22, считают, что современные молодые люди не должны давать друг другу обещаний и ждать пять лет, пока один вернется из Москвы... Но почему-то получается так, что все каникулы — зимой и летом — Янош

проводит с Аги. Уже четыре года безо всяких клятв и обещаний.

Этим летом она хочет поступать на факультет венгерского языка и истории. Янош разве против?

— Я приеду на каникулы, и мы пойдем с ней в кафе. Потом можно сходить в кино. Рядом два кинотеатра: «Мир» и «Свобода». Еще недавно построили городской Дворец культуры. Во Дворце акустика одна из лучших в Венгрии. Так говорит Золтан Кочиш, ведущий пианист республики. Здесь будапештское радио проводит традиционные джаз-фестивали На фестивалях выступают и ваши ансамбли.

По воскресеньям вся наша семья садится в машину и едет на Балатон, хотя в городе есть и бассейн и пруд... Семья, как вы понимаете, небольшая, раз вся садится в «Жигули».

Мать, отец, сестра Татьяна. Так назвали, потому что мама у нас русская, из Красноярска. Я там три раза был у родственников Понравилось, конечно. Они живут на побережье Енисея: в Красноярске и в Новоенисейске. Там очень красиво. Это надо видеть: Енисей с Ангарой сливаются... Геология интересная. Скалы. Тайга... На рыбаловку мы ходили. На охоту меня не повезли, хотя мой дядя большой охотник. Он даже на медведя охотился...

А на рыбаловку я ходил. Я, конечно, там успеха не имел — ни одной рыбы не поймал, но зато посмотрел. Красиво и интересно.

За четыре года в Советском Союзе я еще был в Крыму и на Кавказе В Евпатории у института есть пансионат. Нас из Венгрии трое отдыхало в пансионате. Мы потом все Крымское побережье осмотрели. Под Ялтой гораздо лучше, чем в Евпатории.

Привычка настраивать себя, когда это необходимо, на что-то одно, очень важное, осталась у Яноша с детства от спорта. Он был правым защитником в футбольной команде «Дожа». И, естественно, выходя на поле, сосредоточенно думал о том, как бы не ошибиться и гол не получить в свои ворота

О том, чтобы не ошибиться, думал он и когда вызывали к доске в физико-математической школе, где двенадцать часов в неделю была математика.

И потом, в декабре 1975 года, когда узнал, какие надо оформлять документы и какие в Будапеште сдавать экзамены тем, кто хочет учиться в Советском Союзе. Математику, физику, русский язык сначала письменно, затем устно. Русский он — спасибо маме — знал нормально

— Конкурс был большой Со мной в МИИТ попали только двое — Томаш Сендрюи и Иожеф Гашпар Они изучают строительство метро.

Это днем. А вечером, часов в десять, собираются и идут в футбол играть

...О том, чтобы не ошибиться в расчетах, думал Янош и на летней практике, когда его направили на строительство аэродрома в Будапеште.

— К нему ведут дорога и путепровод. Я мостовик, и мне необходимо знать на практике, как строят путепровод. Я земляные работы смотрел, машины смотрел. Полтора месяца. Я знаю теперь, как бетонируют. Меня поставили на должность техника. Инженер, который мной руководил, понимал мои проблемы — сам был студентом. Поэтому он говорил постоянно: «Смотри! Смотри!» Или, к примеру, молодой инженер брал свой нивелир и шел нивелировать. И я с ним тоже кое-что измерял Потом он сверял и исправлял мои ошибки

А когда я отчет на русском языке написал, они ничего не поняли, но подписали...

Венгры, как сказал Янош, учатся в каждой социалистической стране в Европе. И кроме того, в Финляндии. А те его друзья из детства, которые поступили в институты Будапешта, Печа, Сегеда, завидуют Яношу: он вернется с московским дипломом. Но Янош им объясняет, что в МИИТе учиться не слишком легко. И с первых курсов спокойно можно вылететь, если не напрягаться. Он даже как-то пожалел, что выбрал эту специальность, и вспомнил, как в гимназии мечтал быть архитектором. На первом курсе пожалел, когда нарисовал проект, а преподаватель все зачеркнул Он переделал, преподаватель снова зачеркнул. Это было в период тоски по дому. Янош писал стихи на венгерском языке и никому их не показывал

Иногда он достает из футляра флейту и играет все, что думает Получается импровизация.

Через год он защитит диплом в МИИТе и вернется в Венгрию Привезет родным в подарок электросамовар и матрешек с Минаевского рынка. Мать заплачет...

Потом в саду поставят стол, а на него — гуся. И всякие фрукты. И бутыль мушта — молодого вина. И песни будут петь И снова мать заплачет. А потом сестра Татьяна унесет годовалого Ондруша спать... И в тишине и сумерках июля Ференц спросит у сына

— Ну и что ты теперь собираешься делать?

— Я бы хотел построить мост через Дунай в Будапеште. Это будет вантовый мост — они самые красивые. Они есть в Братиславе и в Киеве. И в Венесуэле через озеро Маракайбо... И в Воронеже строят такой.

— Это хорошо, — скажет отец. — Только кто же тебе доверит?

— Доверят, — скажет Янош в темноту и услышит вдали тихий голос знакомой московской певуньи

Как по мосту,
как по мосту
В грядущий день
перебегаю...

ПРИКОСНУТЬСЯ К МЕЧТЕ

Евгений ФАДЕЕВ,
соб. корр. «Правды» — для «Ровесника»

Я встретился с ним ранним утром на вьентьянском аэродроме Ваттай. На его вертолете мы должны были лететь в северную провинцию Хуапхан.

В ясном безоблачном небе лучи поднимающегося из-за горизонта солнца золотят подернутые голубым маревом вечнозеленые горы.

— Я люблю последние минуты перед полетом, — говорит мой собеседник. — Проверишь работу агрегатов, прогреешь мотор, и остается еще немного времени, чтобы полюбоваться небом. Оно ведь красивое не только там, наверху. Оно и с земли очень красиво. Манит, притягивает. И я чувствую себя таким счастливым, когда разговариваю с небом. Не пишу ли я стихов? Нет. Просто я, наверное, романтик и очень люблю небо.

..Он родился в самом центре страны, в провинции Сиенгкуанг. Там кругом горы, и в небо можно посмотреть, только высоко запрокинув голову. Когда начинала болеть шея, Сивай ложился на траву и продолжал смотреть ввысь. И ему было немножко обидно из-за того, что он не может увидеть сразу все небо. То ли поэтому, то ли еще по какой причине (суть сейчас не в этом), но Сивай, сколько себя помнит, мечтал быть летчиком. Он ни с кем не делился своей сокровенной мечтой, — настолько нереальной, фантастической казалась она самому Сиваю. В отсталом, раздираемом междоусобицами королевстве сын крестьянина хочет стать летчиком! Нелепость, вздор! В Лаосе и авиации-то как таковой не было, а немногочисленные летчики королевских ВВС уж, конечно, были выходцами не из бедных семей. Но Сивай упорно смотрел в небо и твердил: «Буду летать». Тогда он и сам не представлял, как у него это получится. Но верил — и все.

— В те годы, когда я учился, моим кумиром был Михаил Громов. Все о нем тогда перечитал. Вот личность, вот характер! Истинный романтик неба. А вообще-то, наверное, нельзя быть летчиком и не быть романтиком. Летчик — это личность творческая. Наше рабочее место где? В небе голубом, в темно-розовом...

Он сказал так, а я вспомнил свою трехлетней давности встречу с Героем Советского Союза, генерал-полковником авиации Михаилом Михайловичем Громовым. Особенно запомнились слова: «Летчик обязан быть художником, творцом. Ему должно быть все интересно».

Думал ли прославленный советский ас, что за десятки тысяч километров от Москвы, в далеких тропиках его слова будут почти точь-в-точь повторены молодым лаосским летчиком, для которого он, Громов, стал эталоном всех лучших качеств авиатора.

— Сивай, а как вы стали летчиком? — спрашиваю я.

— О, это длинная история, — улыбается он. — В полете расскажу.

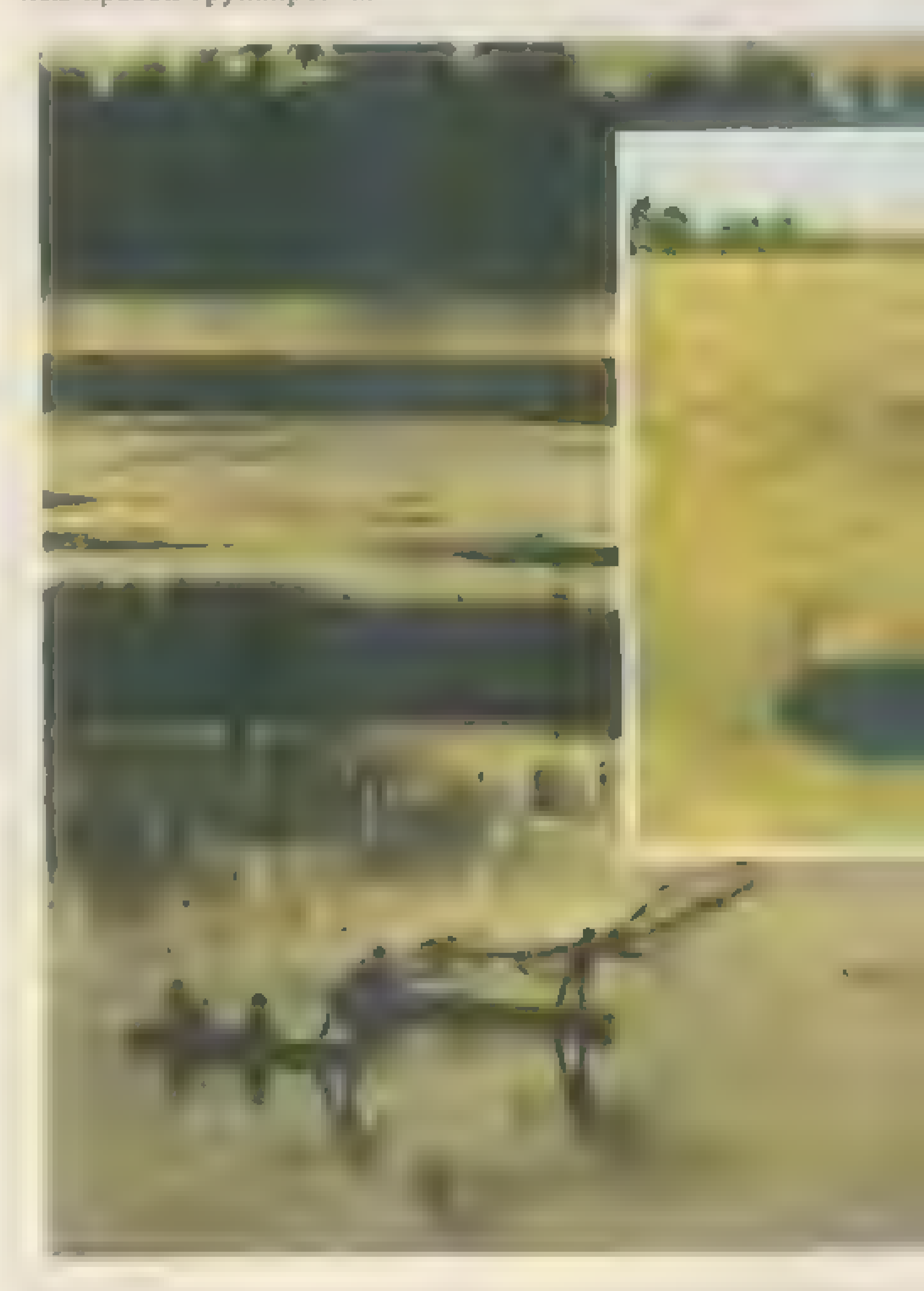
И направляется к своей машине.

..После Женевского соглашения по Лаосу, когда образовалось коалиционное правительство во главе с Суванной Фумой, казалось, что в стране после стольких лет хаоса воцарится мир. Но так только казалось. Правительство просуществовало недолго. Однако, оно успело принять решение — направить группу лаосцев в учебные заведения за границу. В том числе двенадцать человек в летные училища. Среди них был только один паренек из глубокой провинции — Сивай. Он не мог упустить своей мечты. Для этого правдами и неправдами пришлось добиться приема у главы коалиционного правительства.

Настойчивость юноши поразила премьер-министра. И семнадцатилетний подросток «ухватил мечту».

И вот наконец — летное училище! Поднявшись в небо, Сивай полюбил его еще сильнее. Он самый старательный, самый дотошный курсант. Полеты, их разбор, теоретические занятия — незаметно прошло три года.

Вернувшись во Вьентьян, квалифицированные летчики стали простыми солдатами. Дело в том, что к тому времени Лаос снова оказался расколот. Одна часть страны — освобожденная зона — находилась под контролем Патриотического фронта с центром в Самнеа, а другая, со столицей во Вьентьяне, — под контролем правой группировки.

▼ со стр. 9

— Конечно, — кивнул он, поглаживая пальцем край блюдца.

Может быть, он лишь в это мгновение понял, что имел в виду Клаус. Я даже уверена в этом.

Дело, которое они сделали, не было их прямой обязанностью. У нас есть на то слесари-ремонтники. Но, говорит Клаус, до их прихода прошло бы чересчур много времени. И вдобавок им еще пришлось бы объяснять, что к чему и почему. А так оно и быстрее и вернее вышло.

Тогда-то Сивай впервые задумался, кому в действительности нужна эта братоубийственная война? Правые кричат о единстве цели, а на деле — чехарда переворотов: одна «сильная личность» сменяет другую, и все это сопровождается еще большей сумятицей и хаосом.

— С первых же дней после возвращения на родину у меня созрел план, — вспоминает Сивай. — Но выполнить его я дал себе слово только при одном непременном условии...

Через некоторое время о летчиках все-таки вспомнили, разыскали и приказали отправиться на юг, в Паксе, — переучиваться на вертолетчиков. Но и после переподготовки им по-прежнему летать не разрешали, доверяли лишь наземные работы на аэродроме. Сивай и здесь выделялся своими знаниями и умением.

Через полгода ему присвоили звание лейтенанта королевских военно-воздушных сил и назначили командиром вертолета. Вертолет был старенький — движок еле тянул, в стенках фюзеляжа — дыры. Сивай получил приказ: отправиться в Таиланд для ремонта, а затем вернуться во Вьентьян для участия в защите города от партизан. Фактически он должен был охотиться за своими же братьями: ведь он сам из бедной крестьянской семьи

Сивай отремонтировал машину, вернулся во Вьентьян... На этом его служба в королевских военно-воздушных силах завершилась. В жизни Сивая начался новый отсчет времени... В первый же день после возвращения во Вьентьян Сивай посадил в вертолет свою семью и на глазах «изумленной публики» взмыл в воздух без приказа. Наземные службы даже не успели сориентироваться. Вертолет взял курс на север. Такое условие поставил сам себе Сивай — перейти на сторону патриотов не с пустыми руками. В том трехчасовом рейсе до Самнеа, колыбели лаосской революции, он был и командиром, и вторым пилотом, и бортмехаником, и штурманом.

...Рейс складывался нелегко. В местах, куда мы летели, частые туманы, резкая перемена ветра. Вот и на этот раз посадка ожидалась трудной: в глубокое узкое ущелье среди горных исполинов. Но экипаж вертолета все исполнил мастерски.

— Нелегко, говорите, садиться? — улыбается Сивай, выходя из вертолета. — А у нас почти всюду так. Снова сегодня пришлось вспомнить вашу песню: «Только вертолетом можно долететь»

Вечером в красном уголке аэродрома расспрашиваю инструкторов о Сивае, вернее — о его профессиональных качествах. Характеристика оказалась краткой: «Удивительно хладнокровный пилот. Здорово летает!»

— Да я-то при чем? — смеется Сивай, подходя к нам. — Автопилот лучше меня это делает. Прежде всего благодарить надо ваш Ми-8 — отличная машина!

...После перехода на сторону патриотов Сивай снова стал солдатом. Но уже солдатом Народно-освободительной армии Лаоса. Джунгли, нехоженые тропы, гроты, пещеры... Сивая назначают командиром взвода, роты...

Патриоты проникали всюду. Несколько раз по заданию командования Сивай выполнял особые поручения — тайком пробирался на военные аэродромы противника и угонял вертолеты. В одиночку.

Провоевав несколько лет, он вступил в партию. Ему исполнилось двадцать четыре, и он был одним из самых молодых командиров батальона в армии патриотов.

На второй день после победы Сивай пришел к командиру части: «Хотел бы вернуться в авиацию. Не на самолет, на вертолет. Республике они сейчас нужнее».

Так паренек из горного Сиенгкуанга, где из-за гор почти не видно неба, а об аэродромах нечего и мечтать, начал осваивать новую технику. Многое пришлось начинать заново. Но Сивай вновь был первым среди первых, вновь занимался больше всех. Трудности его не пугали. Главное — он снова за штурвалом. Снова в небе.

В начале 1978 года Сивай принял под свое командование экипаж вертолета Ми-8. Первым в республике. А совсем недавно стал кавалером ордена Свободы I степени — высшей награды страны.

...Мы возвращались во Вьентьян, когда фиолетовые сумерки подкрадывались к аэродрому Ваттай. Вот и земля

Закончен очередной трудовой день.

— Ну, куда направляешься? — спрашиваю Сивая, усаживающегося на земную машину — мотоцикл.

— Молодые ребята скоро уезжают учиться. Попросили умом-разумом поделиться. Как-никак ветеран. Если серьезно, очень завидую парням. У них все только начинается. И небо. И мечта. Ну до завтра.

— Завтра же выходной...

— Они только на пенсии бывают

Сивай махнул мне рукой, и его мотоцикл лихо устремился к воротам аэродрома.

Вьентьян

— Нам нужно, — говорит Клаус, — найти для «сит» другой материал.

И спокойно помешивает сахар в чашке.

Его напарник поднимается. Я замечаю, что, несмотря на молодые годы, он тоже крепко сбит и такой же широкоплечий, как Клаус.

Выходя из комнаты, они кивают мне. И хотя они не сказали мне на прощание ни слова, я явственно ощущала, что в то розоватое утро обычного дня они, думая обо всем, думали и обо мне.

Перевел с немецкого Евг. ФАКТОРОВИЧ

СВЕТ УХОДЯЩИХ ДНЕЙ

Виктор АНДРИЯНОВ,
соб. корр. «Комсомольской правды» —
для «Ровесника»

Дни — такие, как мы, они наш слепок. По прожитым суткам легко представить и самого человека.

Но кого я вправе выбрать из пятнадцати миллионов чехов и словаков? Рабочего? Крестьянина? Студента? По статистике самая большая группа в социальном составе населения Чехословакии — рабочие — 60,5 процента. Почти половина из них — молодые люди. Итак, социальное положение нашего героя определено рабочий

Яну 22 года. Закончил профессионально-техническое училище и вот уже четвертый год работает на машиностроительном заводе объединения ЧКД в городе Градце-Кралове, областном центре Восточной Чехии. Наши моряки и речники хорошо знают двигатели с маркой этого завода — они стоят на многих судах. В двадцать лет Ян стал коммунистом. Дважды за свои четыре трудовых года побеждал в областных конкурсах профессионального мастерства.

День, который мы провели вместе, был совсем обычным. Такой же был вчера, будет завтра. Без особых событий или примет. Обычный день, типичный

У рабочего человека в Чехословакии день начинается рано — первая смена заступает в шесть утра. А поскольку Ян живет дальше всех, за новым микрорайоном, там, где вдоль улицы тянутся палисадники, а старики по привычке считают себя жителями пригородного села Лгота, а не областного центра, то и вставать ему приходится раньше всех. Автобус пылит, двигаясь к микрорайону, петляет по узким улицам у железнодорожного вокзала и наконец выбирается за город, к заводским корпусам. По дороге подсаживаются ребята из бригады, и от вокзала они едут уже в полном составе. Знакомый маршрут, знакомые лица. Короткий обмен новостями, впечатлениями о вчерашнем хоккейном матче или телепередаче...

Я спросил ребят: что бросается им в глаза в своих товарищах в эти ранние минуты? Бригадир Йозеф Странский, полноватый, рассудительный крепыш, сказал: «Янек всегда едет на работу весело». Таким в утреннем автобусе его увидел и я.

В сочинении о счастье двенадцатилетняя школьница из Могилева написала: «Счастье — это когда утром охота идти в школу, а после уроков — охота скорей домой». Если эта несложная формула правильна, то Ян счастливый человек. Это я понял позже, побывав с ним в цехе и дома.

Ян Гайтман, а чаще его зовут Гонза, работает в литейном цехе. Крановщица подвозит на участок расплавленный металл, и Ян разливает его по формам. Сначала кажется, что он очень медлителен, только потом понимаешь, что это не медлительность, а расчет. Никакой суеты, ни одного лишнего, бесцельного движения — он работает надежно, изящно, красиво, и смотреть на него радостно.

Гонза пришел в литейку прямиком из детства. Случилось так, что в год с небольшим он оказался в детдоме. Узнав об этом, дедушка и бабушка забрали его к себе, тогда еще в село Лгота под Страни. Дед был литейщиком, каких поискать Да и сейчас, в 75 лет, он не может без дела. Он водил нас с Гонзой по своей мастерской, показывал свое литье, потом доставал из ящиков чью-то безымянную халтуру и презрительно щурился:

— Это же картошка, а не литье.

Стена, у которой стоит кровать Гонзы, и сейчас почти не остывает: за ней — горн.

— Больше всего я хотел научить Янека, чтобы он мог все делать своими руками и чтобы ничего не делал кое-как, только тогда работа не в тягость

Человек со стороны, посмотрев на работу литейщиков, может подумать, что изо дня в день у них одно и то же, но это совсем не так.

— У нас идут мелкие серии, — замечает бригадир. — Каждый месяц двадцать-тридцать новых позиций. Здесь нельзя выучиться раз и навсегда. Нужно учиться постоянно.

У него, у бригадира, кавалера медали «За выдающийся труд», самый высокий в бригаде разряд — седьмой. У Яна — пятый

— А разве после победы на конкурсе профессионального мастерства тебе не повысили разряд? — спрашиваю я.

— У нас пока это не принято. Ты читал недавно в «Младе свет», как из одного кооператива ушел парень — чемпион республики по ремонту сельхозтехники? Даже ему не повысили разряд, а он ведь мастер из мастеров. Но мы добиваемся.

Да, я слышал об этой проблеме. Знаю, что ЦК ССМ уже заключил соглашения с рядом министерств, по которым заводы получают право поощрять победителей молодежных конкурсов.

— И мы у себя такой порядок заведем, как у вас, на «Русском дизеле». Знаешь? Это наш породненный завод

...Подходит к концу смена. Один за другим, распаренные после душа, расходятся ребята — модные прически, броские куртки, плоские «дипломаты» или яркие спортивные сумки в руках. Куда после смены? У Иозефа Кугайдека сегодня занятия: он учится на втором курсе вечернего техникума. У Иозефа Райнека спевка в клубе. Ян идет на заводскую молодежную стройку. Я с ним.

Строят ребята градирню [1]. Невелик объект, да дорог. Сэкономит заводу до двухсот тысяч крон ежегодно. Идею подал главный энергетик завода, член комитета ССМ Мирослав Мизера. Директор поддержал, выделил технику, материалы. А комитет ССМ подобрал добровольцев, тех, кто был готов после своей смены поработать еще два-три часа на стройке. Добровольцев, бригадников, как говорят в Чехословакии, в общем достаточно. Но все же Ян считает, что могло быть и больше. Ян удивляется, почему некоторые ребята, его ровесники, стараются увильнуть от общественной работы, а потом жалуются на скуку. Охотно говорят о том, что им должно общество, но старательно обходят то, что и они сами члены этого общества и это «должно» относится к ним тоже

— Мало ведь только отбыть смену, — рассуждает Ян. — Нам за это деньги платят. А вот что ты сам можешь сделать, не ожидая награды, — это важно

Дед Яна Гайтмана говорил мне, что он, коммунист с довоенным стажем, хотел и из внука вырастить коммуниста. Я слушаю Яна и думаю: старый дед Вацлав — хороший воспитатель..

Когда градирня будет закончена, на ней появится значок ССМ и буква «z». Значок — понятно почему. А что такое «z»?

Одни говорят, что это первая буква чешского слова «звелебовати» — «улучшать». Другие так же авторитетно ссылаются на слово «здарма» — «бесплатно». Правы и те и другие. Потому что акция «z» действительно безвозмездна и служит улучшению производства.

Последним рейсом мы уезжаем с завода. Остается позади вокзал, потом микрорайон с его башнями, наступающий на деревушку...

— К тебе ребята хоть когда-нибудь добирались?

— Конечно. На двадцатилетие вся бригада заявилась. Скоро опять все сразу нагрянут. На свадьбу..

Такой обычный день... Ушел от завода состав с двигателями. Немного подросла стройка. Завтра помочь ребятам придут пионеры из отряда Яна Гайтмана, они обещали ему, своему пионервожатому. Растет его смена.

Гонза вспоминает цех, как уплывает в глубину кран, растворяется вдали. Он смотрел так однажды и вдруг спросил Странского:

— Куда уходят дни, бригадир?

— Они не уходят, — помолчав, ответил бригадир. — Они переходят. Как металл — в машины Как уголь — в свет, тепло, энергию..

Градец-Кралове

---

[1] *Устройство для охлаждения воды атмосферным воздухом. — Примеч. авт.*

НЕЗАКОНЧЕННАЯ ХРОНИКА ОДНОГО ДНЯ

Александр МИНЕЕВ,
корр. ТАСС в Ханое — для «Ровесника»

Нгуен Тхань Тонг, член горкома Союза коммунистической молодежи города Хошимина в 7.15 вошел в прохладный холл гостиницы, уставленный большими керамическими вазами с выпуклыми изображениями драконов, слоновыми бивнями на подставках из черного дерева, лаковыми картинами с перламутровой инкрустацией. В движениях Тонга ощущалась некоторая скованность: видно, не привык он к роскоши для туристов.

Он приветливо протянул мне руку.

– У нас есть еще немного времени, можно выпить по чашечке кофе.

Мы зашли в небольшое кафе напротив. Тонг задержался у стойки, чтобы позвонить по телефону. Я не вслушивался в разговор, но по тону и отдельным фразам было ясно, что он беседует с девушкой и договаривается встретиться с ней вечером.

7.45. У здания комитета молодежного фронта Первого района собралось человек шестьдесят парней и девушек с сумками, рюкзаками, большими плетеными кошелками. Трое ребят в потертых джинсах наигрывают на гитарах ритмичную мелодию.

Пока я разглядываю пеструю толпу собравшихся (которая, в свою очередь, с любопытством разглядывает меня), Тонг подходит к двум парням, присевшим на корточки в тени большого дерева с гроздьями ярко-красных цветов. Их разговор часто прерывается экспансивными возгласами, смехом.

– Знакомые? — поинтересовался я, когда Тонг отошел от парней. Он утвердительно кивнул. Позже он мне рассказал, как познакомился с ними.

Их арестовали за «моторизованное» ограбление. Когда Хошимин назывался еще Сайгоном, такой метод ограбления был очень «модным». Около прохожего притормаживал мотороллер, парень на заднем сиденье выхватывал или срезал ножом сумку, и мотороллер, набрав скорость, исчезал за ближайшим углом.

После освобождения южной части страны там остались сотни тысяч молодых людей без определенных занятий. Работу с этой категорией молодежи взял на себя комсомол. Были созданы оперативные комсомольские группы, которые брали на учет всех, кто добывал средства к существованию сомнительным путем. Члены оперативных групп работали в тесном контакте с народной полицией, тщательно изучали дела молодых людей, арестованных за те или иные преступления. И если приходили к выводу, что речь идет о людях, случайно сбившихся с пути, просили горком комсомола ходатайствовать за них перед судом.

Так дела этих двух парней попали к Тонгу. Вопрос был сложный. Не один раз пришлось Тонгу беседовать с ними, с теми, кто их знал. И, только убедившись, что парни смогут найти свое место в жизни, он подписал ходатайство об условном наказании. И не ошибся.

— Сейчас таких подшефных у горкома около двадцати тысяч, — говорит Тонг. — Мы стараемся в кратчайшее время устроить их на работу и не выпускаем из виду. Проблем с ними еще много. Но отрадно сознавать, что уже много и таких, кому мы смогли помочь стать полезными обществу.

8.30. Подошел автобус. К нему прикрепили красный флаг и большой транспарант с надписью «Строители Зюенхая»: это сразу же создало атмосферу торжественности.

И вот я вижу уже не того Тонга, которому было не по себе среди керамических ваз с драконами, а энергичного вожака молодежи.

— Нам всем сейчас надо очень много работать, чтобы обеспечить благосостояние страны и свое собственное, — звонким голосом говорил Тонг. — Вы едете создавать государственное хозяйство нового, социалистического типа, вам предстоит стать его первым рабочим коллективом.

9.15. Мы едем за автобусом, который мчится по шоссе вдоль реки Сайгон с ее низкими безлесыми берегами, кое-где поросшими диким тростником.

— В провинции Бенче, где я родился, тоже такие вот реки с низкими берегами, — задумчиво говорит Тонг. — Только повсюду кокосовые пальмы и рисовые поля. Много кокосовых пальм. А поля покрывают всю землю, и теперь уже нет пустырей. И здесь их тоже не будет. Но здесь еще столько работы. Ведь американцам и марионеточным властям партизаны мерещились в каждой деревне, ежедневные бомбардировки привели к тому, что вокруг Сайгона появилась «мертвая зона» шириной в несколько десятков километров. А мы хотим создать вокруг города зеленую зону. А для этого нуж-

ны каналы — сотни километров каналов. И сотни километров дамб, чтобы оградить рисовые поля от наводнений. Теперь все приходится начинать заново. А ведь сеть каналов и дамб создавалась веками...

Вьетнам переживает сейчас острейшие экономические трудности. Они связаны с многолетней войной со стихийными бедствиями последних двух лет — небывалой засухой и сильнейшими наводнениями. Кроме того, Вьетнам был вынужден отражать агрессию полпотовских войск на юге и Китая на северной границе. И сейчас большие средства выделяются на укрепление обороноспособности страны перед угрозой новой китайской агрессии. Пятидесятимиллионному населению не хватает первоочередных потребительских товаров, фабрикам и заводам — сырья и материалов.

И потому урожай с пустовавшей десятилетиями земли край не важен. Но где взять средства? Чем привлечь рабочую силу в эти пустынные места? На помощь народной власти пришел комсомол. Сначала в новые экономические районы отправились отряды добровольцев, увлекая своим энтузиазмом остальную молодежь. Одновременно комсомольцы юга вели большую разъяснительную работу среди солдат бывшей марионеточной армии, среди таких ребят, как знакомые Тонга, которых я видел на митинге

10.30. В госхозе «Зюенхай» группу встречают руководители хозяйства и работники бригад, участки которых расположены неподалеку от поселка. Поселок — несколько строений, каркас из бамбука, переплетен болотной сытью и обмазан глиной. В таком же помещении и контора госхоза. Здесь руководители хозяйства устроили небольшое совещание с Тонгом. Его блокнот пополняется новыми записями: нужно ликвидировать перебои в подвозе продовольствия, наладить регулярную доставку агитационных материалов, «пробить наверху» еще сотню лопат (что поделаешь, во многих госхозах не хватает даже лопат), найти руководителя для самодеятельного ансамбля

12.00. Промчавшись по стокилометровой автостраде Вунгтау — Хошимин, мы снова едем по тенистым улицам города. Останавливаемся около городского молодежного клуба, где находится постоянно действующая экспозиция «Преступления американского империализма во Вьетнаме». Заходим туда: Тонгу надо ознакомиться с планом лекционной работы клуба на следующий месяц. Во дворе установлен макет «тигровой клетки» в натуральную величину. В такой же клетке на острове Пуло-Кондор сидел когда-то и Тонг

Бетонный колодец метра два в ширину и в длину и метра три в глубину. Вместо крыши — толстая решетка, по которой время от времени громыхали ботинки часового. За три года пребывания на Пуло-Кондоре, куда Тонг попал за участие в антивоенной демонстрации, он фактически и стал комсомольцем

14.45. Мы снова — на торжественном мероприятии. На этот раз — проводы в армию молодежи Шестого района города

У призывного пункта уже стоят машины с красными флагами. Человек в военной форме ведет перекличку новобранцев. Плотным кольцом сквер обступает толпа. Последние напутствия перемежаются со смехом. Но большинство выглядит серьезно: на границе с Китаем положение напряженное

Митинг уже начался, и Тонгу нужно выступать. Но он не произносит речь, а рассказывает о том, как в феврале прошлого года в один из первых дней вероломного нападения Китая у приграничного городка Донгдя целая рота агрессоров трижды пыталась овладеть позицией вьетнамских ополченцев. Наступление интервентов сдерживали всего тридцать четыре человека, из них — двадцать шесть девушек. И они продержались до подхода подкрепления

Тонг говорил о бесчинствах китайских интервентов, о том, как они разрушили музей Хо Ши Мина в Пакбо. И еще говорил он о том, что родина верит своим солдатам, верит, что они не отступят, если вновь придется сражаться с агрессорами

Я смотрел на внимательно слушавших ребят: нет, они не отступят

17.15. Мы пробираемся через центр города, окруженные плотным потоком людей, возвращающихся на велосипедах с работы

Рабочий день Тонга завершился на машиностроительном заводе «Викино» в пригородной промышленной зоне Тхудык. Там проходили прием в партию воспитанников комсомольской ячейки и вступление в Союз коммунистической молодежи Хо Ши Мина молодых рабочих

По решению Секретариата ЦК КПВ, одним из главных источников пополнения и укрепления партийных рядов призван стать Союз коммунистической молодежи. Да и сам СКМ Хо Ши Мина вырос за последний год больше, чем когда-либо раньше. Особенно быстро умножаются его ряды на юге страны. Менее тысячи комсомольцев-подпольщиков Сайгона встретили армию освобождения 30 апреля 1975 года. Сегодня городская комсомольская организация города Хошимина насчитывает свыше восьмидесяти тысяч человек

19.30. Тонг из моего номера в гостинице звонит дежурному по горкому

— Да, обязательно. Сейчас буду, — говорит он

Он кладет трубку. Вновь по-военному собран. В словах, обращенных ко мне, лишь чуть-чуть заметны нотки сожаления. «Срочное заседание бюро горкома»

Тонг не сказал, по какому вопросу собирается бюро. Сейчас много дел, которые не терпят отлагательства и в которых участвуют комсомольцы и молодежь

— У меня одна просьба, — говорит Тонг уже в дверях. — В половине седьмого на бульваре Ле Лоя меня будет ждать девушка. Я на всякий случай дал ей номер твоего телефона. Если позвонит, скажи, что сегодня не смогу прийти. Завтра позвоню ей на работу

— Обязательно скажу

Я пожал тонкую сильную руку Тонга

Хошимин — Ханой

● ВОКРУГ ТАК МНОГО НАСИЛИЯ ● БЕЗ ПАПЫ Я БЫ БОЯЛАСЬ ЕЩЕ БОЛЬШЕ ● НИКАКИХ ПЕРЕМЕН ● ОТРИЦАЮ — ЗНАЧИТ СУЩЕСТВУЮ ●

МОЙ ПАПА — ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Анни ЛОРАН, французская журналистка

Марина — дочь полицейского. Ей скоро исполнится двенадцать, она выглядит старше своего возраста и очень этим гордится «Правда, я уже почти взрослая?» И встряхивает длинными темными волосами. Это она так считает, на самом деле трудно вообразить что-нибудь более детское, чем ее губы а-ля Бардо, всегда удивленные глаза Но я не хочу ее разочаровывать и соглашаюсь

Потом она показывает мне сад

— Хорошо жить в пригороде, папа здесь отдыхает после работы, он очень устает к концу дня, ведь ему приходится столько стоять на ногах . И постоянная опасность

В саду растет несколько чахлых кустиков

— Папочка ухаживает за цветами, — она показывает на кусты, — когда у него есть время, это напоминает ему его детство в деревне

«Папа», «папочка» не сходит у нее с языка, и мне с трудом удается соединить этого «папочку» с теми полицейскими, которые все больше заполняют наши улицы. (Двое постоянно дежурят недалеко от моего дома, и всякий раз, как я выхожу на улицу, они попадаются мне на глаза)

— Как ты относишься к тому, что отец твой принадлежит к властям и пользуется определенной властью?

— Я даже довольна, отвечает она серьезно. — Я часто думаю, что если со мной что-нибудь случится, то папа сможет помочь. Ну, например, если меня украдут или попытаются убить— ведь нельзя знать заранее, а папа сможет спасти. Это дает мне чувство уверенности

А чем твой отец занимался раньше?

Не знаю, он всегда был в полиции, в детстве мне нравилось гулять с ним, особенно когда он был с пистолетом, мне было очень хорошо, я чувствовала себя в полной безопасности

Та обыденность, с которой она говорит о насилии, производит на меня угнетающее впечатление

Есть такие злые люди, знаете, надо быть настороже. Ни с того ни с сего могут ударить. Папа говорит, что в метро надо быть осторожней, там мало полиции, и все может случиться

Ты бы тоже хотела работать в полиции?

— Нет, нет, я бы хотела стать медицинской сестрой, я люблю ухаживать, заботиться о больных. Но если я полюблю человека, который работает в полиции... я не знаю, как я поступлю Мне кажется, я буду, как мама, ужасно беспокоиться.. Мы с мамой так боимся, как бы его не убили Папиного лучшего друга тяжело ранили, когда он задержал грабителей, а потом он умер

— Как ты считаешь, люди хорошо относятся к полицейским?

– Нет, не думаю. Но я знаю, без полицейских нельзя Ведь тогда было бы еще страшнее выйти на улицу или войти в пустую квартиру. Представьте, что у вас в доме гангстеры, а вы не знаете об этом. Вы входите к себе домой, а они в вас стреляют. Я ужасно боюсь, когда папы нет дома Что мы с мамой можем сделать?

— А твои подружки в классе знают о профессии твоего отца?

— Да, они знают, что я дочь полицейского, ведь в начале года проводили анкету и записали наши имена, и всякое такое, и профессию родителей, и я записала: отец — полицейский, мать — парикмахер Подружки считают, что полицейские выше других, это странно, с одной стороны, выше, а с другой — они боятся, это неприятно. Они себя ведут как будто его боятся... Но я думала над этим вопросом и пришла к выводу, что это идет не от них самих, а от их родителей. Родители, как правило, не любят полицейских

— А подружки с тобой об этом заговаривают?

— Да, когда что-нибудь такое есть в газете, они говорят: «А! Опять эта полиция» и тому подобное, они разговаривают об этом между собой, но, когда я подхожу, они замолкают. Папе я об этом никогда не рассказываю, я думаю, его бы это задело. Вот и мальчишки тоже, мало кто хочет служить в полиции. Правду сказать, я еще не встретила ни одного, кто хотел бы работать в полиции

И потом она добавляет

— Если с ним что случится, это будет несправедливо, он ведь не хочет разгонять демонстрации, но ведь он получает приказ. И ког-

да ему приходится бить людей, он огорчается. Вот с теми демонстрантами, которые требуют работу, как было недавно, он скорее согласен. Он хочет, чтобы у всех была работа, чтобы не было безработицы. Но если он не выполнит приказ, он тоже станет безработным.

Марина все больше трогает меня своим простодушием, разделением людей на плохих и хороших, уверенностью, что «ее папа» существует для того, чтобы помешать им делать плохо. И она огорчена, что многие, даже дети, предубеждены против полицейских, к коим принадлежит и «мой папа». Именно это и побуждает ее удариться в восхваление полиции. Но глухим голосом, не глядя на меня и жуя конец своего пояска, она говорит:

— Они могут говорить «полицейская свинья» и все, что хотят, мне до этого нет дела.

Перевела с французского Е. ЛИВШИЦ
(Еженедельник «Юманите диманш», Франция)

Английский джентльмен. И сразу представляешь мистера Хиггинса из фильма «Моя прекрасная леди» или героев Оскара Уайльда. В черном цилиндре, белом кашне, с тросточкой и моноклем. Но ведь он живет и сегодня. Какой он теперь в наш технотронно-электронный век?

Живет он в родовом замке, далеко от промышленных центров, которые прямо-таки невыносимы из-за сумасшедшего уличного шума и отвратительных забастовок. Его кредо выражается в нескольких «никогда!».

Он никогда ничего не выбрасывает. Его замок заставлен провалившимися софами и рассыпающимися стульями. Столы издают угрожающий треск при малейшей попытке что-нибудь на них поставить или, не дай бог, опереться. Если стул или кресло распадаются на составные части, их отправляют на чердак и на чердаке же находят им замену. Вся мебель была куплена еще при королеве Виктории, лет сто — сто двадцать назад, и заменить ее новой для английского джентльмена было бы равносильно признанию, что с тех пор что-то в мире изменилось. Да и не мебель главное в замке. Главное — фамильные портреты, копья зулусов, привезенные после англо-бурской войны [1], охотничьи трофеи столетней давности — чучела бенгальских тигров и африканских львов.

Английский джентльмен никогда ничего не делает, и он так озабочен этим ничегонеделаньем, что ему просто некогда работать.

Он никогда ничего не читает с тех пор, как чтение стало любимым времяпрепровождением простолюдинов. Но он охотно поведет гостя в библиотеку, где бесценные фолианты покоятся за стеклами книжных шкафов, ключи от которых утеряны два века назад.

Английский джентльмен никогда не разговаривает с женой, потому что просто не знает, о чем с ней говорить. И на прогулке ее обществу он, конечно, предпочтет компанию своего любимого пса. Супруга, со своей стороны, всегда помнит, что она жена английского джентльмена, и никогда не поставит мужа в неловкое положение, заговорив о семейных или личных делах.

[1] *Англо-бурская война (1899—1902 годы) — империалистическая война Англии против Оранжевой Республики и Трансвааля.— Примеч. ред.*

Когда джентльмен не охотится или не сплетничает с собакой, он посвящает себя спорту. Но не гольфу или футболу, этим ставшим уже вульгарными развлечениям, а крикету или регби. Регби, по мнению джентльмена, наиболее серьезный и мужской вид спорта: когда судья не видит, игроки, как истинные джентльмены, пинают друг друга коленями ниже пояса. Теннис джентльмен признает только как средство сохранения спортивной формы, и если играет с женщиной, то будь она хоть победительницей Уимблдонского турнира, делает он это снисходительно.

Что еще требуется от джентльмена. Он обязательно должен состоять членом какого-нибудь клуба, предпочтительнее того самого, к которому принадлежали его отец, дед, прадед. Но посещает джентльмен клуб вовсе не для общения с друзьями или развлечений. Он ездит в клуб, чтобы воспрепятствовать приему новых членов, поскольку для вступления в клуб нужно согласие всех уже состоящих в нем.

Считается, что у джентльмена нет политических интересов, но это не совсем так. Он никогда не согласится с необходимостью существования профсоюзов, социальных реформ и любых новообразований, расширяющих права не-джентльменов. Он против всего нового и всегда за войну, большую или маленькую — все равно, были бы военные действия. Джентльмен обожает поле битвы, пост командующего легкой бронированной бригадой видится ему как выход из всех затруднений: финансовых, семейных, прочих. Сердце его бьется быстрее, когда он представляет себя на командном пункте, бинокль в одной руке, хлыстик — в другой. Как жаль, что после второй мировой войны заведен порядок, по которому в офицеры производят и не-джентльменов. Даже в офицерской столовой можно очутиться за столом бог весть с кем. Но все же война — это прекрасно, несомненно, мир был бы значительно лучше, если бы в нем никогда не кончались войны.

Короче говоря, английский джентльмен — это такое состояние души и образ жизни, при которых создается видимость, что ничего вокруг не изменилось: огромные охотничьи угодья, ухоженные аристократические парки и процветающая британская империя. И в ней джентльмен — существо привилегированное, хранимое провидением. И провидение, конечно, не может быть так дурно воспитанным, чтобы бросить на произвол судьбы своего подопечного по той лишь причине, что не-джентльмены вышли из повиновения. И тот факт, что угодия и империя существуют только в воображении джентльмена, его не смущает: главное вести себя так, будто они существуют.

Этот краткий портрет составлен на основе книги «Английский джентльмен»— бестселлера прошлого года. Ее автор не какой-то желчный завистник из простолюдинов, а граф Дуглас Сазерленд, представитель одной из самых аристократических фамилий Британии, владелец родового замка в Шотландии и прочая и прочая.

Вы думаете, джентльмены отказали графу от дома? Нет, они сделали вид, что книги не существует.

Перевел с итальянского Л. КАНЕВСКИЙ
(Журнал «Эуропео», Италия)

ПО «ДИСКО» — ПЛИ!

Двадцатичетырехлетний американец Стив Дал вышел на тропу войны с дискомузыкой. Предыстория битвы такова: когда владельцы одной из чикагских радиостанций, где Дал служил диск-жокеем, решили перейти на трансляцию исключительно дискомузыки, Дал, приверженец «серьезного» рока, решил воспротивиться этому, за что и был уволен. Однако его вскоре приняли на другую станцию, и первую же свою программу Дал составил следующим образом: прокручивая дискомелодии, сопровождал их записанным на пленку треском автоматных очередей, разрывами бомб, воем сирены воздушной тревоги. Работодатели схватились за голову, но тут посыпались письма как с благодарностями от дисконенавистников, так и с хулой от дископоклонников. Число слушателей резко возросло, число лиц, заинтересованных в том, чтобы давать рекламу своих товаров именно на этой радиоволне, также увеличилось.

Далу дали волю. К тому же, как выяснилось, он не одинок: так, в Виннипеге (Канада) десять тысяч поклонников «старого доброго рока» объединились в «Армию борьбы с дискомузыкой».

СТАТЬ — НЕТ. ПОЧУВСТВОВАТЬ — ПОЖАЛУЙСТА

«Любой чистильщик сапог может стать миллионером» — старый миф, который появился на свет вместе со свободным предпринимательством. С каждым годом на Западе появляется все больше рецептов «быстрого преуспевания», однако реальные шансы ухватить свой кусок пирога от этого, увы, не возрастают. Быть может, этим объясняется повальное увлечение игрой «Монополия», которую изобрел пятьдесят лет назад во времена Великой депрессии один американский безработный. Игра «в богатство» разошлась по всему миру и сейчас издается на 15 языках многомиллионными тиражами. Суть ее состоит в том, чтобы, подвигая свои фишки по полю, скупать, сдавать в аренду земельные участки и недвижимость и, таким образом, увеличивать начальный «капитал». Во многих странах проводятся даже национальные чемпионаты по «Монополии». Ну а удачливые из удачливейших в этом году съедутся на Бермудские острова на чемпионат мира, чтобы своим примером вдохновить отчаявшихся «быстро преуспеть».

В МИРЕ МУЗЫКИ. Бывавшие в пустыне знают: пески поют. Стоит нарушить их покой, и миллионы песчинок придут в движение, и вы услышите шуршание сухих листьев и визг тормозов, прибоя шум и человека стон... Ученые насчитывают около тридцати «поющих» точек в пустынях всего мира. Географ Уильям Мелори взялся сам «сыграть» на песках в пустыне штата Невада (США): «Я могу заставить их звучать воплями дерущихся кошек или воем полицейской сирены». Для этого достаточно лишь потревожить «инструмент» определенным, лишь одному ему известным образом...

О ЛОСЯХ И ЛЮДЯХ

Наскальные рисунки древних часто изображают охоту: человек с дубиной идет на зверя. Потом появились лук и стрелы, позже — огнестрельное оружие. И все же охота оставалась борьбой на равных: физическая сила, быстрота, когти (или крылья) одного против разума, ловкости и выносливости — другого. Сейчас во взаимоотношения людей и животных вмешалась третья сила — деньги. В Канаде на охотничье снаряжение (в том числе специальные автомобили и даже самолеты) тратится ежегодно около пятисот миллионов долларов, плата за день охоты — двести-триста долларов. Право «пострелять» может купить любой, деньгами владеющий независимо от степени владения оружием. И все растет число искалеченных неудачным выстрелом, умирающих медленной мучительной смертью животных. В заповеднике штата Манитоба проданы лицензии на уничтожение около ста лосей — из 150! Поражение лося в этом поединке с человеком предрешено: побеждает доллар.

ПОРОГ СТАРЕНИЯ

Давно уже никто не удивляется, наталкиваясь в спортивных репортажах на слово «старик». Едва достигнув двадцати пяти лет, многие спортсмены уже рискуют удостоиться подобного «звания». «Спорт чемпионов» с каждым годом молодеет, но, к счастью, остается еще и просто спорт, который не «укорачивает», а продлевает молодость. Посмотрите, с каким благоговением смотрят на 88-летнего Паула Либерта из Карл-Маркс-Штадта юные гимнасты. Еще бы, на брусьях человек, который годится им, по крайней мере, в прадедушки. А Манфред Ригер из Дейтлебена в свои 69 лет не только покрывает каждый год 800 миль на велосипеде, но и не лишен спортивного честолюбия. В олимпийском году он рассчитывает «накрутить» тысячу миль и сменить голубую майку «активного гонщика» на желтую майку «лидера» — приз, учрежденный Олимпийским обществом ГДР.

ИЗЮМИНКА В КОРОБКЕ

Где только не встретишь человеческое жилище... Прилепляются, подобно гнездам ласточек, белые сакли на карнизах обрывистых скал, серыми пятнышками теряются в море желтого песка юрты, сливаются с древесными стволами неприметные избушки лесников и охотников... Люди живут там, где родились, радуются тому, к чему привыкли. Недаром англичане сложили поговорку: «Дом там, где сердце...» Антуанетта Бонджованни из американского города Атлантик-Сити, видимо, нашла «свой» дом. Все ее соседи поддались уговорам владельцев крупного казино, которые решили построить на их улице новое здание, и продали свои дома, а она отказалась. Тогда владельцы казино вспомнили другую поговорку: «Мудрый человек и поражение может обратить в победу...» И начали строить вокруг. Ведь если хорошенько подумать, уютный домик Бонджованни и есть та «изюминка», которой не хватает привычным коробкам стальных конструкций.

В МИРЕ БИЗНЕСА. Яблоки падали всегда, но Ньютон однажды обратил на это внимание, и появился закон всемирного тяготения. Так уж получается, что поводом для рождения великого служат порой события весьма прозаические. «Великий немой» (так в начале века называли кино) заговорил благодаря тому, что американская кинокомпания «Уорнер Бразерз»... оказалась на грани банкротства. Владельцы решили пойти ва-банк: на последние деньги купили патент на озвучивание фильмов и сняли первую в мире звуковую картину «Певец джаза». Успех превзошел все ожидания — лента принесла миллионы. Вот почему в Голливуде на приеме по случаю 50-летия звукового кино первый тост был поднят не за развитие киноискусства, а за предприимчивость.

СКАЗКА — ЛОЖЬ...

Гулливер, беседуя с королем гуигнгнмов (говорящих лошадей, в чью землю он попал во время своего четвертого путешествия), так и не смог объяснить ему, что такое война... Гуигнгнмы были добры и справедливы. Они мудро правили своим государством, поддерживая среди подданных — злобных человекообразных существ йэху — мир и спокойствие. Как им это удавалось, до сих пор неизвестно, но ясно одно. Свифт не случайно выбрал лошадей на роль правителей сказочной страны. Американский биолог Роберт Вавра, долгое время наблюдавший этих животных в разных частях света, подтверждает: лошади добры, всегда готовы прийти друг другу на помощь, у них крепкая «семья» и высокая «общественная» мораль. И говорить лошади тоже умеют, просто их не всегда понимают. Роберт Вавра решил помочь людям и издал подробный словарь лошадиного «языка». На снимке: иллюстрация из словаря на букву «у» — так лошади улыбаются.

Рэй БРЭДБЕРИ,
американский писатель

Рассказ

Ему хотелось выскочить из дома и побежать, перепрыгивать через изгороди, гонять консервные банки, созывать через открытые окна ребят. Солнце стояло высоко, и небо было безоблачное, а он должен был лежать под простынями и одеялами, потеть, хмуриться и сердиться.

Джонни Бишоп, шмыгая носом, приподнялся и сел. В толстой палке из солнечных лучей, ударившей, чтобы их согреть, по пальцам его ног, висели апельсиновый сок, микстура от кашля и запах духов его матери, которая только что ушла из комнаты. Нижняя половина одеяла из лоскутков, красных, зеленых, лиловых и голубых, напоминала цирковое знамя. Их пестрота и яркость били ему в глаза, как бьет в уши крик. Джонни нетерпеливо заерзал.

— Хочу на улицу, — тихо пожаловался он себе. — Черт. Черт.

Рассыпая прозрачными крыльями сухое стаккато и, жужжа, об оконное стекло билась муха.

Он посмотрел на нее с пониманием: что удивительного в том, что ей тоже хочется на улицу?

Потом кашлянул несколько раз и пришел к выводу, что это кашель не дряхлого старика, а одиннадцатилетнего молодого человека, который через неделю снова будет рвать тайком яблоки в чужих садах и обстреливать жеваной бумагой учителей.

По свеженатертому полу коридора застучали быстро и весело каблучки, дверь открылась, и появилась мама.

— Почему это ты не лежишь, мой друг? — спросила она. — Ложись сейчас же.

— Мне уже лучше. Честное слово.

— Доктор сказал: еще два дня.

— Два?! — Нужно было показать матери, насколько он потрясен. — Это обязательно, болеть так долго?

Мать рассмеялась.

— Нет, не болеть... но в постели оставаться. — Она легонько шлепнула рукой по его левой щеке. — Хочешь еще апельсинового сока?

— С лекарством или без?

Мать сделала удивленное лицо.

— С лекарством? Каким?

— Я тебя знаю. Подкладываешь лекарство в апельсиновый сок, чтобы я не понял. Но я все равно его чувствую.

Мать засмеялась.

— На этот раз без лекарства.

— А что у тебя в руке?

— А, это? — Мать протянула ему что-то гладкое, переливающееся в солнечном свете, скрученное в спираль. Он взял. Предмет был твердый, блестящий.. и красивый.

— Оставил тебе доктор Гулль, он заходил несколько минут назад. Дал, чтобы ты немного развлекся.

Он посмотрел на эту штуковину с некоторым сомнением. Потом погладил ее своей маленькой рукой.

— Как же я развлекусь? Я не знаю даже, что это такое.

Мать улыбнулась — словно солнце засияло в комнате.

— Это, Джонни, морская раковина. Доктор Гулль нашел ее в прошлом году на берегу Тихого океана.

— А, понятно. А откуда она там взялась?

— О, я не знаю. Возможно, очень давно она служила домом для какой-то формы морской жизни.

Его брови поднялись.

— Домом? Значит, кто-то в ней жил!

— Да.

— Нет, правда?

Она повернула раковину в его руке.

— Если не веришь, приложи вот этим концом к уху.

— Вот так? — Он поднес раковину к своему маленькому розовому уху и крепко прижал ее. — А теперь что делать?

Мать улыбнулась.

— А теперь, если ты помолчишь и прислушаешься, ты услышишь что-то очень знакомое.

Он прислушался. Неощутимо открылось его ухо, так раскрывается навстречу свету цветок.

На каменистый берег набежала, потом разбилась титаническая волна.

— Море! — закричал Джонни. — Ой, мам! Океан! Волны! Море!

Волна за волной накатывалась на далекий скалистый берег. Джонни зажмурился и улыбнулся, его личико стало от этого вдвое шире. Грохочущие волны с ревом врывались в маленькое жадное ушко.

— Да, Джонни, — сказала мать. — Ты слышишь море.

День подходил к концу. Джонни лежал на спине, утонув головой в подушке; в ладошках у него, как в колыбели, лежала раковина, и он поглядывал, улыбаясь, в большое окно справа от постели. Был виден весь пустырь на другой стороне улицы. По нему, как потревоженные жуки, носились мальчишки, и было слышно, как они кричат: «Это я убил тебя первый!» — «А сейчас я тебя!» Или: «Так нечестно!» Или: «Теперь командиром буду я, а то не играю!»

Казалось, что голоса звучат где-то вдалеке и, словно качаясь на волнах солнечного света, то приближаются, то удаляются. Этот солнечный свет был как глубокая,

Рис. В. ЛЕОНТЬЕВА

сияющая золотая вода, она лизала берег лета и грозила залить его. Медленная, ленивая, теплая, почти неподвижная. Мир отражался в ней вверх ногами, и все в нем было замедлено. Медленней тикали часы. Медленно-медленно прокатился по улице пышущий жаром металл трамвая. Будто смотришь кино, и у тебя на глазах кадры замедляются... и стихает постепенно звук. Все стало мягче и расплывчатей. Ничто не имело значения

Сказать невозможно, как ему хотелось выйти и поиграть. Он не сводил с ребят глаз: смотрел, как они в неподвижном зное залезают на заборы, играют в мяч, бегают на роликах. Голова все тяжелела, тяжелела, тяжелела. Веки, как занавес, опускались все ниже, ниже. Морская раковина лежала на подушке около его уха. Он снова приложил ее и прижал

Бух-х — разбивались волны, тр-рр — рассыпались на песке. На желтом песке берега. А когда откатывались назад, на песке оставались пузыри пены, похожие на те, что падают из медвежьей пасти. Пузыри лопались и исчезали как сновидения. И снова волны, и снова пена. И, переворачиваясь в ряби отступающих волн, омытые соленой влагой, разбегались в разные стороны коричневыми пятнами песчаные крабы Буханье холодной зеленой воды, прокладный песок Звук вызывал к жизни картины; маленькое тело Джонни овевал легкий бриз. И внезапно жаркий день не был уже давящим и жарким. Часы затикали быстрей Скорее залязгал металл трамваев. Глухие удары волн о невидимый сверкающий пляж подстегнули медлительный мир лета, и он ожил и задвигался

Да, теперь ему стало ясно: лучше этой раковины ничего нет на свете. В любой долгий и скучный день только приложи ее к уху, и ты уже проводишь каникулы на далеком, обдуваемом всеми ветрами берегу

Четыре тридцать, сказали часы. Время принимать лекарство, сказали быстрые звонкие шаги матери в сверкающем коридоре

Она поднесла к его рту серебряную ложку с лекарством. Вкус, увы, был.., какой бывает у лекарства. Джонни скорчил гримасу, заготовленную специально для таких случаев. Чтобы скорей перестать чувствовать вкус лекарства, он запил его молоком, а потом посмотрел вверх на доброе, светлое лицо матери и спросил

— Сможем мы когда-нибудь поехать на море, мам?

— А почему бы и нет? Может быть, на 4 июля [1], если твой отец получит свой двухнедельный отпуск на это время. За два дня доедем на машине до берега, проведем там неделю и вернемся

Джонни сел поудобней; глаза у него были какие-то чудные

— Я никогда не видел настоящего моря, а только в кино. Готов поспорить, оно и пахнет по-другому, и вид у него другой, чем у нашего Лисьего Озера. Оно огромное и в тысячу раз лучше. Так обидно, что нельзя прямо сейчас туда отправиться!

— Ждать недолго. Вы, дети, такие нетерпеливые

— Очень хочется

Она села на кровать и взяла его за руку. Не все, что она сказала, было ему понятно до конца, но кое-что он все же понял

— Если бы мне пришлось писать книгу о философии детства, я бы, наверно, назвала ее «Нетерпение». Нетерпение во всем. Вынь да положь — и так всегда Завтра кажется далеким-далеким, вчера — словно не было. Вы племя Омаров Хайямов, вот вы кто. Вы живете минутой. Станешь старше — поймешь, что способность быть терпеливым, ждать, рассчитывать заранее говорит о зрелости, то есть о том, что ты стал взрослым

---

[1] *День независимости, национальный праздник США. — Примеч пер*

— Не хочу быть терпеливым. Не хочу лежать в постели. Хочу на морской берег.

— А на прошлой неделе ты хотел рукавицу для бейсбола — сейчас и ни минутой позже! «Пожалуйста, ну пожалуйста, — просил ты. — Ой, мам, какая она красивая, ты только на нее посмотри! И последняя в магазине, на полке больше ни одной не осталось!»

Какая же все-таки она странная, эта мама!

Она продолжала между тем:

— Помню однажды, когда я еще была маленькой девочкой, я увидела в магазине куклу. Я показала на нее маме, сказала, что она последняя, все остальные проданы и эту тоже, если ее сейчас же не купить, продадут кому-нибудь. На самом деле на полке было не меньше десятка таких кукол. Просто у меня не было сил ждать. Мне тоже не хватало терпения.

Джонни повернулся на бок. Глаза его стали широкие-широкие и были теперь полны голубого света

— Но я не хочу ждать. Если я буду слишком долго ждать, я вырасту, и мне уже не будет интересно.

На это она не сказала ни слова. Она сидела в той же позе, но пальцы ее рук судорожно сжимались, а глаза стали влажными, может, из-за того, о чем она думала. Она закрыла глаза, потом открыла их снова и сказала

— Иногда мне... кажется, что дети знают о жизни больше, чем мы, взрослые. Кажется, что ты... прав. Но я не решаюсь тебе об этом сказать. Это... как бы не по правилам

— Каким, мама?

— Цивилизации. Радуйся жизни, Джонни. Радуйся жизни, пока ты молод

Она произнесла это как-то громко, и голос был не такой, как всегда

Джонни прижал раковину к уху

— Мама! Знаешь, чего бы мне хотелось! Оказаться прямо сейчас на берегу моря, бежать к воде, держаться за нос и кричать: «Кто последний, обезьяна!»

И он весело засмеялся

Внизу, на первом этаже, зазвонил телефон. Мать пошла взять трубку

Джонни тихо лежал и прислушивался.

Еще целых два дня впереди. Он опять поднес к уху раковину и вздохнул. Целых два дня! В комнате было темно. В квадратах большого окна томились пойманные звезды. Ветер покачивал деревья. На асфальте тротуаров внизу взвизгивали, раскатываясь, ролики.

Он закрыл глаза. Снизу, из столовой, доносился стук ножей и вилок. Отец с матерью ужинали. Вот отец рассмеялся своим звучным смехом.

Волны по-прежнему разбивались одна за другой о берег внутри морской раковины. И... что-то еще слышно

— Там, где катятся валы, где играет с волной волна, где криком чаек полны утро и вечер дня...

— Что?

И он замер. Прислушался Потом удивленно заморгал

И еще, чуть слышно:

— Солнце на волнах, море без дна. Э-ген, э-ге-ген, прилягте, друзья...

Будто сотня, а то и больше голосов пели под скрип уключин.

— Придите к морю, где паруса

И потом другой голос, совсем отдельно, едва различимый сквозь шум волн и океанского ветра:

— Приди же к морю-циркачу, что за валом бросает вал, к сверканью соли на берегу по тропе, о которой не знал ..

Джонни отнял раковину от уха, изумленно на нее посмотрел. Потом прижал снова.

— Ты хочешь ли к морю, мой маленький друг, хочешь ли к морю прийти? Так возьми меня за руку, маленький друг, возьми меня за руку, маленький друг, и вместе со мной иди!

Дрожа, он крепче прижал раковину, приподнялся и сел в постели, часто дыша. Сердце прыгало и билось о стенку его груди.

Волны глухо ударялись о далекий берег и рассыпались брызгами.

— Ты когда-нибудь раковину видал, перламутровый штопор морей? Широкая, она сходит на нет, вот здесь она вьется, вот тут ее нет, но, мой мальчик, конец у нее все же есть — там, где камни от соли белей!

Маленькие пальцы вжались в спираль раковины. Да, все правильно. Раковина закручивается, закручивается, закручивается, а потом вдруг ничего нет

Он закусил губу. Что... что такое говорила мне мама? Про детей. Про какую-то... философию детей. Про нетерпение. Нетерпение! Да, правда, он нетерпелив! Ну и что в этом плохого? Его свободная рука, сжавшись в твердый белый кулачок, била теперь по стеганому одеялу.

— Джонни!

Молниеносным движением Джонни отнял раковину от уха, сунул под простыню. По коридору от лестницы к двери его комнаты приближались шаги отца.

— Привет, сынок.

— Привет, пап!

Мать и отец крепко спали. Было далеко за полночь. Тихо Джонни вытащил бесценную раковину из-под простыней и поднес к уху

Да, все как прежде По-прежнему шумят волны. И вдалеке — скрип уключин, щелканье раздуваемого ветром паруса, слова песни, чуть слышные в порывах соленого морского ветра.

Он прижимал раковину к уху сильней и сильней.

В коридоре застучали каблуки матери. Шаги остановились, она открыла дверь и вошла

— Доброе утро, сынок! Ты все еще спишь?

Постель была пуста. В комнате — только тишина и солнечный свет. Этот свет лежал в постели, как лучезарный больной, и его сотканная из лучей голова покоилась на подушке. Стеганое одеяло, это красно-голубое цирковое знамя, было откинуто Смятая постель была как бледное старческое лицо в морщинах и казалась пустей пустого

Мать нахмурилась и громко топнула

— Вот постреленок! — воскликнула она. — Наверняка убежал играть с соседскими головорезами! Ну, только попадись мне в руки — тогда... — она умолкла, потом улыбнулась, — ...постреленок узнает, как крепко я его люблю. Дети так... нетерпеливы.

Она подошла к постели и начала приводить ее в порядок, и вдруг рука ее наткнулась под простынями на что-то твердое. Мать вытащила на свет что-то гладкое и блестящее

Она улыбнулась. Это была раковина.

Мать сжала ее в руке и просто так поднесла к уху. Глаза у нее стали совсем круглые. Рот открылся.

Комната завертелась вокруг нее застекленной каруселью с яркими стегаными знаменами.

Раковина ревела ей в ухо.

Волны с грохотом разбивались о далекий берег. Волны отступали, оставляя холодную пену на неведомом пляже

Потом — топот бегущих по песку детских ног. Тонкий мальчишеский голос прокричал:

— Эй, ребята, скорее! Кто последний, обезьяна!

И звук маленького тела, бултыхнувшегося в эти волны...

Перевел с английского Ростислав РЫБКИН

МУЗЫКА — НАШ РОВЕСНИК

ВСТРЕЧА И ДИАЛОГИ

Л. ПЕРЕВЕРЗЕВ

Последние годы в редакционной почте все увеличивается поток писем, начинающихся примерно так: «Я и мои друзья очень любим современную (как тотчас же выясняется — поп, рок или диско) музыку и хотим, чтобы журнал больше о ней рассказывал». Затем идут индивидуальные пожелания, от самых кратких и простых («напишите о «Бони М») до многостраничных, детально разработанных планов, проектов и программ желаемых публикаций.

Уже одно количество, непрерывность поступления и поразительное сходство таких писем убеждают: интерес к подобной тематике довольно широк и отнюдь не случаен. Но чем он вызван, на что конкретно направлен, насколько оправдан, в какой степени плодотворен и как связан со множеством других проблем, волнующих современную молодежь? Редакция, стараясь удовлетворить любознательность своих корреспондентов, считает не менее важным найти ответ и на эти вопросы, в чем, мы надеемся, помогут и сами читатели с помощью писем, как уже полученных, так и тех, что нам, без сомнения, предстоит получить.

Из множества прочитанных мною писем отбираю несколько — особенно показательных, в чем-то схожих, в чем-то противоречащих друг другу, но в любом случае заставляющих вступить в разговор: соглашаться, возражать, развивать высказанные в них мысли, выдвигать встречные предложения.

Большинство писем начинается с утверждения: молодежь отдает предпочтение приблизительно одинаковому типу музыки. «Доказательством этого служит то, — пишут сестры Светлана и Ольга Маршевы из Невинномысска, — что почти у всех юношей и девушек, обладающих магнитофонами, кассеты с записями поп-музыки, в основном западной. Мы также являемся ее поклонницами».

Да, к нам подобная музыка (и мода на нее) приходит в основном с Запада через радиопередачи, пластинки и магнитофонные ленты; вместе с зарубежными гастролерами и через дискотеки; звучит она и на отечественной эстраде. Слушать и слышать ее — в огромных количествах и нередко против воли — у нас может практически каждый, труда на это совсем не требуется. Но оказывается, что любителям такой музыки этого недостаточно. Чего же им не хватает?

«Молодежь слушает в общем-то много, — констатируют студенты 2-го курса Московского энергетического института И. Вирютин и К. Солдатов, — а знает о... ничтожно мало или почти ничего». Пробел я оставил нарочно: как вы думаете, о чем наши молодые слушатели знают так мало и о чем, судя по письмам, хотят узнать? Да разве непонятно, изумитесь вы, конечно же, о самой этой музыке!

И вправду: «Молодежи крайне нужна объективная информация о зарубежной и советской эстраде», — утверждает А. Бирюков из Пензы (он учится в институте и работает, но все же выкраивает время для подробного обоснования своей позиции и ряда практических предложений — о них мы еще поговорим). «Пишите больше, конкретней, объективней», — вторит ему Александр Гриценко, девятнадцатилетний строитель-монтажник из Харькова (о главной идее его письма позже).

Кажется, ясно. Тогда уточним: о какого рода знаниях или информации идет речь? Заполню пробел в цитате из письма студентов МЭИ: они сетуют, что молодежь мало знает... *«о группах и певцах»* (курсив мой. — *Л. П.*). То же и у Бирюкова: нужна информация *«о разных певцах, оркестрах и исполнителях»*. То же и во множестве других писем: хотят знать и спрашивают не о музыкальном искусстве как таковом, не о форме и содержании пьес, не о песенных текстах, не о композиции или инструментовке, не о стилистике и выразительных средствах, — вообще, не о каких-либо эстетических моментах, но только *о звездах* поп-музыки. И просят не ограничиваться одной лишь словесной информацией, а «обязательно помещать и фотографии».

«Ну и что тут такого уж плохого? — спрашиваю я сам себя. — Ведь журнал наш не для специалистов, читают его не теоретики-аналитики. В конце концов музыка — это прежде всего музыканты, ее создающие, и в любом талантливом произведении всегда видна личность его творца». (Не это ли подразумевал А. Бирюков под «объективной информацией»?)

Посмотрим. Недовольный тем, что «Ровесник» не воздал должного Тому Джонсу — «одному из величайших эстрадных певцов», и Элвису Пресли — «певцу классному» (хотелось бы знать, на чем объективно базируется это мнение?), автор письма призывает журнал печатать из номера в номер «Дискографию», то есть краткие, примерно в полстраницы, сведения о поп-музыкантах с перечнем выпущенных ими пластинок, «с указанием времени и места записи». А через регулярные промежутки просить читателей называть «лучшего певца, инструменталиста и ансамбль года» и «всех времен» и публиковать списки фаворитов, то есть проводить «хит-парад звезд».

Бросается при этом в глаза: ни здесь, ни в целом ряде других аналогичных проектов ни слова не го-

ворится об освещении таких вопросов, как склад художественного мышления, приверженность той или иной традиции, направление экспериментальных поисков, артистический темперамент, индивидуальная манера, тонкости мастерства. То есть не упоминается ни о чем, что в первую очередь характеризует творческий облик каждого настоящего музыканта или исполнительского коллектива и чем, естественно, прежде всего интересуется каждый настоящий любитель музыки.

Зато очень многие наши корреспонденты разделяют точку зрения Евгения Цветкова из Новодвинска, надеющегося прочитать «о чем-нибудь из личной жизни певцов или участников групп, о том, как к ним относится публика, как они ведут себя на концертах, о каких-то ярких случаях их биографии и многом другом, *безусловно, интересующем нас, всех любителей музыки*» (курсив и здесь мой. — *Л. П.*). Что же входит в это «многое другое»? Наряду с прочим и вот такое: Андрей П. из Чебоксар вместе с просьбой «напечатать фото и биографию ансамбля «Пинк Флойд» задает один-единственный вопрос: «Правда, что звуковые колонки у них достигают высоты с трехэтажный дом?»

«Погоди усмехаться, — вновь говорю я себе, — вспомни серьезных любителей классики: они по крупицам отбирают драгоценные для них биографические факты, сообщения очевидцев и сведения о каждой мелочи быта знаменитых композиторов и виртуозов-исполнителей. Ведь личная жизнь художника, как совершенно справедливо утверждают эти знатоки и ценители, не может быть механически отделена или противопоставлена его искусству, обе эти области внутренне взаимосвязаны. Почему же нужно находить что-то предосудительное в интересе к таким же вещам (включая технику, ставшую ныне частью музыкальных инструментов) со стороны поклонников поп-ансамблей?»

Да, жанр тут ни при чем, и в обоих случаях подобный интерес вполне законен, важно только, чем именно он вызван, какие мотивы за ним стоят? Хорошо, если это стремление как можно лучше представить себе авторский замысел, войти «изнутри» в образный строй произведения, точнее оценить точность его интерпретации. А если совсем иное — пристрастие к светским сплетням и жажда скандальной хроники? Тогда сбор подобной «информации» — не более чем подглядывание в замочную скважину и смакование пикантных подробностей.

Вернемся, однако, к идее о ежемесячной рубрике «Дискография» и периодическом опросе читателей относительно «лучших» солистов и ансамблей. Тут есть рациональное зерно, но ему, на мой взгляд, недостает еще, так сказать, должной спелости. Ведь фактографические справки, даже украшенные цветными фото с точными данными о месте и времени записи дисков, сами по себе мало что говорят нам о музыкантах и еще меньше — о музыке. Другое дело — творческие портреты выдающихся артистов или коллективов, необходимо включающие и разговор о наиболее значительных их произведениях, то есть о тех же записях (хотя и далеко не обо всех). Или рассказы о том или ином особенно удачном альбоме, явившемся заметным художественным событием на пути развития какого-то направления или даже эстрадной музыки в целом. В принципе с такими поправками и дополнениями этот план можно было бы и принять, остается только решить: с кого и с чего начинать? Ведь инструменталистов и ансамблей — видимо-невидимо, альбомам же несть числа. Необходим, стало быть, самый строгий отбор, чтобы давать читателю действительно самое лучшее, а не каких-то заурядных третьестепенных подражателей, каких, увы, десятки и сотни.

Ответ как будто уже готов: регулярно выявлять путем анкеты читательских фаворитов и о них-то и писать — получается вроде бы полная объективность! Но вникнем поглубже в саму суть и цели определения мест на шкале популярности, чем так усердно занимаются западные журналы и средства массовой информации.

Применяют они обычно два метода. Первый, самый распространенный, заключается в подсчете и сравнительном сопоставлении количества проданных пластинок: нашедших максимальный сбыт, то есть давших максимальную прибыль, и фигурирующих в хит-парадах по радио и в прессе. Такие парады боевиков оказывают немалое воздействие на потенциальных покупателей, рассуждающих так: если этот диск приобрело столько людей, то в нем, видно, что-то есть, и мне тоже стоит его купить, хотя бы ради того, чтобы не отставать от остальных.

Хит-парад (если его сведения не подтасованы, в чем часто не бывает полной уверенности) дает, разумеется, объективную информацию, но только о чем? О качестве музыки, слаженности ансамбля или таланте артиста? Нет. О динамике розничного спроса на ту или иную номенклатуру музыкальной продукции, имеющейся в настоящий момент на рынке. А это, как я только что сказал, решающим образом связано с рекламой, на которую нередко тратится гораздо больше денег, чем на само производство (высокие гонорары звездам составляют часть той же рекламы и представляют, таким образом, коммерчески рентабельные и оправданные производственные вложения). Нельзя отрицать, что между уровнем «продаваемости» и уровнем эстетического качества такой продукции может существовать и часто действительно существует зависимость, но она далеко не обязательна. Например, диск можно купить под влиянием громкого имени на обложке или из чистого подражания знакомым, но разочароваться в нем после первого же прослушивания и более никогда не ставить его на проигрыватель. Более показательно поэтому не близость к вершине, то есть не столько место, сколько время, в течение которого пластинка продолжает оставаться в таблицах, то есть пользоваться пусть и не максимальным, но устойчивым и продолжительным спросом.

Другой метод измерения популярности — это упоминавшийся анкетный опрос или «полл» (нередко у нас его ошибочно тоже именуют хит-парадом). Полл несколько точнее отражает предпочтения слушателей, хотя результат резко меняется в зависимости от того, среди какого возрастного, социального и культурного слоя проводится анкетирование. В поллах различных стран, даже одноязычных (например, Великобритании и США), могут фигурировать совсем разные имена и названия. Объективная информация освещает здесь динамику и тенденции массового вкуса — с познавательной точки зрения это имеет известный интерес, но, как и в случае с хит-парадом, мы не вправе делать отсюда прямой вывод о степени оригинальности и художественного совершенства того или иного ансамбля, отдельного исполнителя или произведения.

Короче говоря, одна только дискография и списки читательских избранников не слишком обогатят наше представление о современной поп-музыке и вряд ли откроют в ней какие-то действительно новые и важные черты. Почему же все-таки этих сведений требуют?

Возможно, читателей, на этом настаивающих, на самом деле интересует не столько сама музыка, сколько то, что ей сопутствует и ее окружает: лица, события, происшествия, «объективная информация» на специальном жаргоне, даже вещи (помните «колонки с трехэтажный дом»?).

В пользу такого предположения свидетельствует письмо А. А. Бойко из города Райчихинска Амурской области, перечисляющего через запятую предлагаемые им темы для нашего музыкального раздела. Помимо уже знакомых нам дискобиографических обзоров, редакция должна, считает он, ввести «Энциклопедию популярной музыки»; «рассказы о видах и стилях джаз-рок, диско и т. д.»; «музыкальный словарь» («что означает то или иное музыкальное выражение: импресарио, сольный альбом, лидер группы»); «печатать моды сезона и рекламировать отечественную и зарубежную радио- и фотоаппаратуру».

Иногда даже закрадывается подозрение (хочу надеяться, необоснованное), что некоторые наши корреспонденты, особенно агрессивно требующие дискографию, хит-парады и прочие рекламные публикации, заинтересованы даже и не в том, чтобы получить какую-то *информацию*, то есть узнать что-то новое и дотоле неведомое. Характерный штрих: судя по таким письмам, их авторы ни до чего *не допытываются*, не пытаются *разузнать*, не стремятся *исследовать*, чтобы проникнуть в суть. Они как будто ждут только одного: того, что им и так уже хорошо известно, в чем они давно абсолютно уверены и подтверждение чему желали бы получать вновь и вновь. Как и почему все это оказывается «завязанным» на поп-музыку — вопрос совсем иного порядка, и мы до поры оставим его открытым. Я все же склоняюсь к тому, что у большинства пишущих нам дело объясняется иначе — им просто не удалось правильно определить волнующие их проблемы. Но первый шаг уже сделан: все они ищут собеседника, пытаются высказаться, начать диалог. И у многих заметна тяга к самостоятельному, критическому взгляду на предмет нашего разговора. Пусть взгляды пока еще не во всем сложились, но люди, которые *хотят их иметь*, никогда не стесняются признать своей недостаточной подготовленно-

сти. Для девятиклассника Алика Т. из Новороссийска важно не просто «узнавать», но и «судить по-настоящему об ансамблях с плохой или хорошей точки зрения». Александр Максимов из города Набережные Челны считает, что для более основательного суждения «о положительных и отрицательных сторонах рок-музыки» следовало бы ввести «дискуссионную рубрику, где могли бы высказывать свое мнение читатели». Заметьте, речь все чаще заходит об обмене мнениями, а не «информацией», о выяснении позиций, а не о сумме голосов, отданных той или иной «звезде». И наконец, прямо в самый корень проблемы смотрит уже названный нами харьковский монтажник А. Гриценко: главный смысл статей о музыке — «дать массе читателей возможность выбирать и судить, что хорошо и что плохо», а тем самым помочь им «создавать что-то свое, соответствующее нашим вкусам, интересам и всему нашему времени», потому что «когда нет своего, приходится брать у других».

По-моему, слова эти лучше всего выражают ту линию, которую «Ровесник» всегда старался проводить в своих публикациях.

Здесь бы и поставить точку, но передо мной еще два письма, а в них ряд вопросов, умолчать о которых было бы непростительно.

Одна страничка на машинке, подпись: Андрей П., обратного адреса нет. Автор сообщает, что, будучи дважды в Великобритании, наблюдал выступление группы «Назарет», сильно ему не понравившееся, а затем — еще более отталкивающего вида толпу поклонников панк-рока. Он спрашивает: «Что же будет завтра?» Но, главное, его «настораживает, что эта, с позволения сказать, «музыка» очень популярна и среди нашей молодежи. Почему?» И заключительный вопрос: «Когда же наконец все это кончится и забудется всеми и *почему* именно рок, а не что-нибудь другое, что действительно можно назвать музыкой?»

О том, что будет завтра и «когда все это кончится», можно строить самые различные прогнозы, их обоснованность зависит от того, насколько хорошо изучили мы сегодняшнюю ситуацию, а также то, что было вчера. Одной фразой тут не отделаешься, поговорить же на такую тему всерьез несомненно стоит. Не менее важен был бы и разговор о критериях оценки различных видов популярной западной музыки. Но, конечно, самое главное — почему ею увлекаются и у нас. Что до меня, то я абсолютно убежден: чтобы это выяснить, надо сперва понять как следует, почему именно рок, до него джаз, а после него дискостиль, стал так популярен у молодежи на Западе. Об этом написано уже немало специальных научных исследований, и общий вывод таков: музыка, самое непосредственное и эмоциональное из всех искусств, постоянно и очень тонко и чутко реагирует, отражает, а иногда и предчувствует все важные повороты в течении материальной, общественной и духовной жизни человечества. Социальные изменения, революционные процессы, экономические приливы и отливы, новые открытия науки и прогресс техники — все это так или иначе, иногда поразительно ярко и выпукло, отпечатывается в облике современной этим событиям музыки.

Соответственно и сама эта музыка оказывается отнюдь не однородной, но бесконечно многоликой, способной выражать подчас взаимоисключающие эстетические и нравственные установки. Ни один вид искусства не остается нейтральным в конфликте соперничающих идеологий, в противоборстве различных общественных группировок, политических течений и классовых интересов. Так музыка может пробуждать в душах людей благородные и возвышенные порывы, но также использоваться для манипуляции массовым сознанием или же превращаться в товар с целью извлечения прибыли: примеры тому неоднократно приводились на страницах нашего журнала. Мы не вправе, следовательно, рассуждать о «современной музыке» вообще, нам нужно рассматривать и оценивать ее дифференцированно и конкретно, не отрывая, однако, отдельных частей от всего целого.

Здесь, кстати, уместно сказать, что молодежь на Западе увлекается не одной лишь «популярной», то есть рок- или дискомузыкой; например, почти в каждом американском университете есть студенческий симфонический оркестр или камерный ансамбль, а на произведения новейшей экспериментальной музыки или на вновь открытые шедевры композиторов эпохи Возрождения нередко возникает мода не менее властная, чем на соул или рэггей. Строго говоря, ни один популярный стиль наших дней не может считаться изолированным от влияния всех остальных, а так называемая серьезная музыка сплошь и рядом служит источником заимствований и даже прямых подражаний со стороны легкой. Все вместе это дает сегодня небывалую вспышку музыкальной активности, какой-то музыкальный бум или музыкальную эпидемию, где прекрасное и уродливое, творческое и мертвящее, истинное и ложное, вечное и минутное, здоровое и болезненное, возвышенное и низменное, передовое и отсталое, доброе и злое переплетаются подчас так тесно, а иногда даже прячась друг за друга, что становятся почти неразличимыми с первого взгляда. Научиться их различать — и не по внешним, формальным признакам, часто обманчивым, а по сути — жизненная необходимость. И начинать надо не с отдельных частностей, но с основных, всеобщих и вместе с тем конкретных вопросов. Вплотную к ним нас подводит последнее письмо.

Студентки медучилища из Ханты-Мансийска Л. Аляева, И. Кудрявцева и М. Томашевская пишут: «Мы все-таки не совсем ясно представляем себе течения современной музыки: джаз, блюз, рок-н-ролл, поп и другие. Приблизительно мы, конечно, понимаем. Но нигде не можем проверить правильность наших предположений. Напишите, пожалуйста, о всех течениях музыки. И о том, какая музыка в данный момент наиболее современна. Что вообще является причиной смены одного течения другим? Это интересно не только нам, но и многим, кто стремится понять современную музыку».

Если кто-нибудь из вас фыркнул на словах о «наиболее современной в данный момент музыке», то напрасно. Спрошено ведь очень точно: где, на каком рубеже, в какой точке происходит в данный момент наиболее полная, активная и драматичная встреча музыкального искусства с наиболее острыми, горячими, животрепещущими моментами нашей действительности? Ответить — значит определить эти рубежи, назвать эти точки и эти моменты, которые мы ощущаем в ритме и движении нашей совместной жизни.

Современная музыка — очень емкое понятие и широчайшее по масштабам явление; джаз, рок или диско образуют лишь малую его часть. Кроме того, представление о современности музыки у каждого из нас может заметно различаться. Сотни и тысячи модных новинок бесследно исчезают через пару лет, а то и месяцев после рождения; единицы, которые мы помним и по-прежнему любим слушать (хотя бы мысленно), остаются для нас современными. Так обстоит дело со всей музыкой, безразлично легкой или серьезной, старой или новой. Убедиться в этом нетрудно, нужно только вслушаться как следует, и тогда открывается, что древнерусское хоровое пение и африканские барабаны, индийские раги и органные прелюдии Баха, якутский наигрыш на хомузе или последние квартеты Бетховена — наши вечные ровесники.

Круг проблем, поднятый в ваших письмах, как стало теперь очевидно, куда шире, чем забота об одном только «информационном обеспечении»; исчерпать эти проблемы в одной-двух статьях явно невозможно. Здесь нужен основательный разговор — и непременно с вашим участием. Я надеюсь, что он получится.

В октябре минувшего года в Сочи проходил очередной, VI фестиваль песни «Красная гвоздика». В этом номере мы представляем вам одного из участников — кубинского поэта, композитора и певца Освальдо Родригеса.

Родригес родился в 1949 году, окончил музыкальную школу и начал выступать в 1968 году, когда основал ансамбль «5-У-4». Ансамбль участвовал во многих кубинских фестивалях песни, Освальдо Родригес неоднократно получал призы на них, но, пожалуй, самую высокую награду на родине — «Серебряный диск» — он получил в 1978 году за песню «XX годовщина Революции».

За исполнение этой песни ему был вручен Большой приз и нашей «Красной гвоздики».

Итак: «XX годовщина Революции». Стихи и музыка Освальдо Родригеса. Аранжировка А. Клевицкого. Русский текст А. Хвостова.

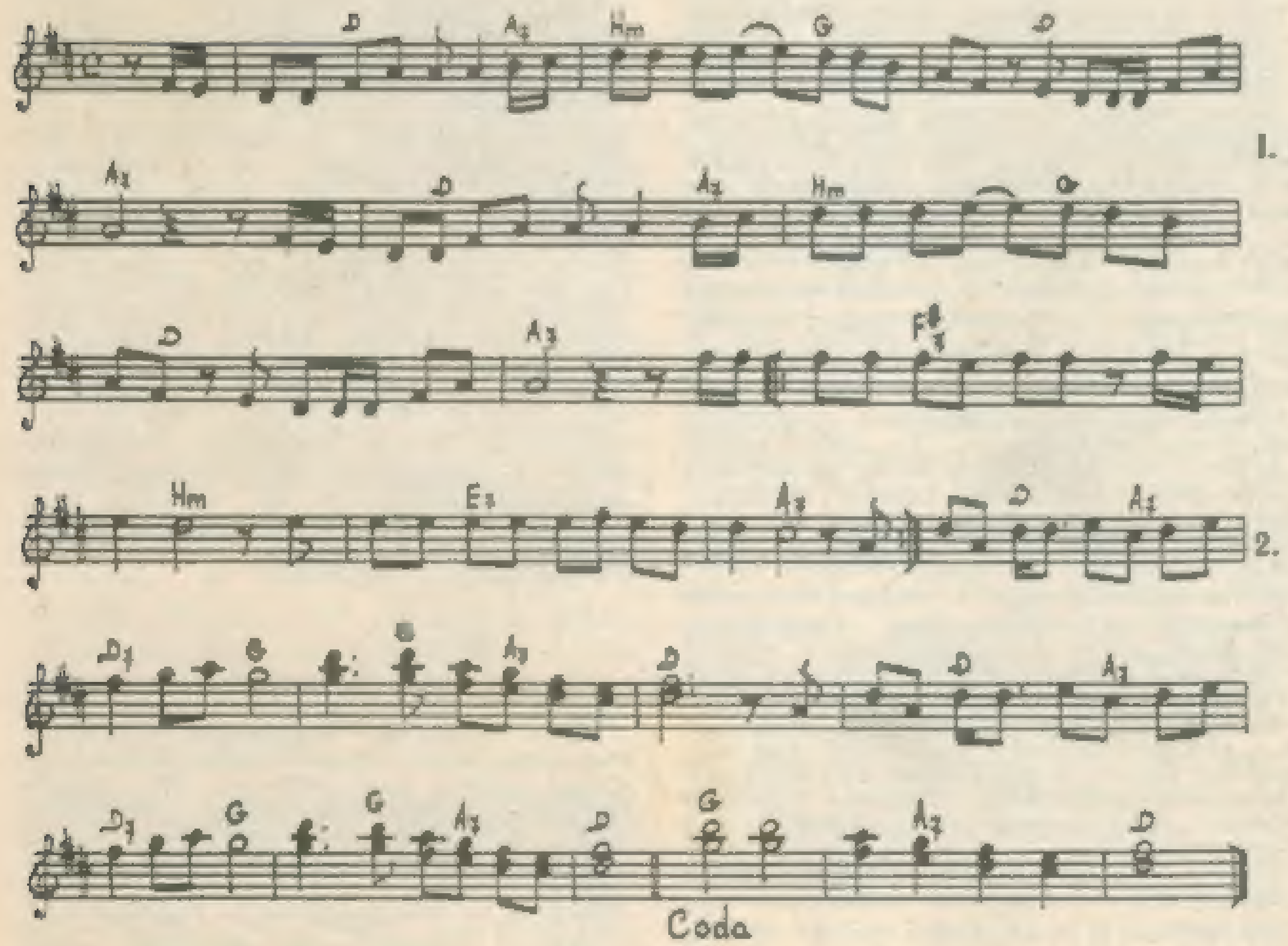
XX ГОДОВЩИНА РЕВОЛЮЦИИ

1. Шли года борьбы упорной,
В бой с врагами звали горны
Поколенья наших дедов и отцов.
Наконец на штурм Монкады
Смело бросились отряды
Патриотов, несгибаемых борцов.
Эхо выстрелов давно уж отгремело,
Двадцать лет с тех пор над Кубой пролетело.
Но остался день тот в памяти народной,
Когда стала наша родина свободной.

Припев:
Мы помним дни Монкады и Плайя Хирон! } 2 раза
Viva la Revolucion!

2. Раньше жирные туристы,
Богачи-капиталисты
Нам презрительно швыряли жалкий цент.
А теперь страна свободы
За собой зовет народы —
Запылал Американский континент.
Революция дорогу осветила,
Счастье острову навеки подарила.
Гордо реет флаг кубинский на просторе
В бирюзово-голубом Карибском море.

Припев

I. En el Veinte Aniversario
de la firme trayectoria
emprendida por nuestra Revoluciòn
Nuestros héroes cuales árboles
gigantes de la historia
dan el fruto de nueva generaciòn
más de cien anos de lucha clarinada
que después repercutiò en El Moncada
Припев.
Que viva mi bandera,
viva nuestra naciòn,
viva la Revoluciòn

2. Hoy los jóvenes cubanos
orgullosos de ser libres
construimos una nueva sociedad
que rompió con un pasado
de oprobios y mentiras
dando paso a la razón y a la verdad
un ejemplo de razón extraordinaria
fue sin duda la ley de reforma agraria
un ejemplo de verdad más que fehaciente
fue la flama que impregnó este continente.

Индекс 70781

Цена 25 коп.